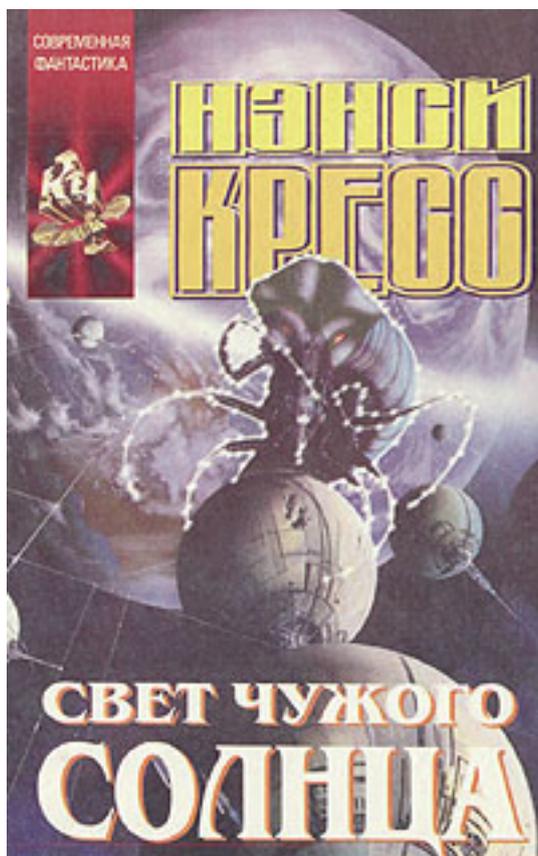

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

НАНСИ КРЕСС

СВЕТ ЧУЖОГО
СОЛНЦА

Нэнси Кресс

Свет чужого солнца

1987

Кресс Н.

Свет чужого солнца / Н. Кресс — 1987

«Свет чужого солнца» – это и боевик, и роман о контакте, и психологический триллер. Это весьма грустный и обескураживающий взгляд на человечество глазами иной цивилизации, взгляд, резко контрастирующий с точкой зрения, которая десятилетиями доминировала в американской НФ: мы-де умны, прекрасны, эволюционно приспособлены лучше других, а значит, призваны нести свое «бремя цивилизованного землянина» в иные галактики.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КЛЮЧЕВОЙ ПАРАДОКС	5
1	5
2	7
3	13
4	18
5	26
6	31
7	32
8	36
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТЕНЫ	39
9	39
10	46
11	47
12	49
13	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ненси Кресс

Свет чужого солнца

*Джефу Дантеману, подарившему мне
двадцатое столетие, и Мэри Сэнтон,
писателю, руководителю, другу*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КЛЮЧЕВОЙ ПАРАДОКС

*Все города построены на страхе.
Джон Энтони*

1

– Один, – произнес гед. – У третьих ворот.

– Что он делает?

– Бьется о стену, хочет выбраться.

– Уже, – отозвался второй гед, используя грамматическую конструкцию свершившегося события. Оба смотрели на экран. В маленькой ярко освещенной серой комнате без окон коло-тилось о стену человеческое существо. Гед закрыл два глаза, оставив третий, центральный. Он смотрел в зенит, поэтому изображение не так слепило. В его феромонах появился оттенок дискомфорта. Второй гед, выделив феромон симпатии, подвинулся ближе к первому.

– Сколько их уже в стене?

– Пятьсот семьдесят. Мы примем еще тридцать, – ответил второй, хотя собеседник, конечно, знал это; потому-то он испросил. Они говорили очень тихо, без эмоций. Первый гед позволил запаху усталости на мгновение прокрасться в свои феромоны. Запах сочувствия дру-гого гед а усилился.

– Этот?

– Скорее всего, нет. Если он преодолеет смертельный страх и придет в себя, тогда воз-можно. Но он даже не взял алмаз. Он так испуган, что забыл о жадности.

Человек в тускло-коричневой тунике гражданина Джелы тяжело опустился на пол и сжался в маленький, дрожащий комок. Геды наблюдали за ним, стараясь из уважения друг к другу сдерживать феромоны отвращения. Комната, где они расположились, находилась за двойным кольцом стен, окружавших пустой город. Тусклое освещение напоминало оранже-вый свет солнца Геды, свежая метановая атмосфера и привычная температура должны были способствовать выполнению важнейшего проекта. Но все же это была не Геда, и оба скучали по дому. Они предпочли бы остаться на Геде или, по крайней мере, среди кораблей Флота, если на родной планете они не нужны. Каждый ощущал тоску другого, один из самых стойких феромонов, но предпочитал молчать об этом. К чему слова? Аромат тоски присутствовал в феромонах всех восемнадцати гедов, находившихся за стеной.

Первый гед выключил экран, и освещение в комнате стало нормальным. Оба с облег-чением открыли центральный глаз. Он предназначался для того, чтобы замечать издали огромных крылатых хищников, некогда населявших их родную планету. Хищники вымерли миллионы лет назад, и теперь центральный глаз был практически бесполезен, но геды все же чувствовали себя уютнее, если он не закрывался. Лица гедов, лишённые растительности, очень походили на человеческие, не считая, конечно, наличия третьего глаза и отсутствия подкож-

ной мускулатуры. Судя по их лицам, их никогда и ничего не волновало. В течение последнего года они наблюдали за людьми вне города, и самым трудным для них оказалось восприятие информации, которую люди передавали с помощью мимики. Нелегко пришлось даже Энциклопедисту. На то, чтобы научиться понимать выражение человеческих лиц, ему понадобилось гораздо больше времени, чем на расшифровку речи. Конечно, геды не рассчитывали обнаружить у людей какие-либо аналоги феромонов, но никак не ожидали и проявления примитивных мускульных спазмов. Никто из представителей других рас не общался с собратьями таким странным способом.

Еще одно поразительное отличие.

– Важная информация, – мягко пророкотал Энциклопедист, и геды тотчас повернулись к нему. – Важная информация. Уровень три. Биологически доказано, что все люди действительно относятся к одной расе. Ключевой парадокс нельзя разрешить при помощи теории межрасовых отношений. Последние две фразы Энциклопедист произнес, используя конструкцию вывода, доказанного от обратного.

Один из гедов мелодично зажужжал, выражая огорчение. Другой вежливо похлопал его по спине и задним ногам, испуская феромоны комфорта.

– Если бы они принадлежали к разным расам, это по крайней мере объясняло бы их взаимную ненависть, – заметил первый.

– Да, гармония поет с нами.

– Гармония поет с нами.

– И пусть это длится вечно.

– Это продлится вечно. Мы так и не приблизились к ответу, Гракс.

– Нет, но, может быть, когда люди окажутся внутри...

Первый гед посмотрел на черный экран. Второй проследил за направлением его взгляда. У них рождались одинаковые мысли, и не потому, что они обладали общим разумом, как некоторые другие расы, а потому, что так мыслил каждый гед. Только поэтому их цивилизации и удалось подняться на такую высоту. Каждый ощущал феромоны другого. Оба думали о Геде, о защите своего дома, о Флоте. Оба думали о важности разгадки Ключевого парадокса.

Оба думали о том, что время уходит.

2

Крутые берега нависали над потоком, и казалось, что река течет в обе стороны одновременно. Легкий ветерок Первоночи доносил до Эйрис запах воды, струящейся с гор. Женщина неподвижно сидела возле огня. Разожженный на возвышенности между рекой и скалами, ее костер, подобно маяку в сгущающихся сумерках, был далеко заметен среди окружающих холмов. То, что она, одинокая, обессилившая путница, развела такой костер, походило на безумие или вызов, или на то и другое вместе взятое, но Эйрис больше не волновалась.

Возле нее на камне, рядом с причудливой формы бутылью голубого стекла лежал нож, с которым она не умела обращаться. Малая луна уже взошла, и вельд был залит белым светом. Несколько часов назад, с наступлением темноты, ощущение тревоги в сумерках вельда заставило ее судорожно искать убежища среди голых скал; теперь тревога наконец улеглась. Что же дальше? Она выросла в городе и ничего не знала. Сумерки пугали ее.

По другую сторону скалы свернул свои губчатые побеги гигантский кембури, который все три дня потихоньку вбирал в себя солнечный свет. Один из отростков обвился вокруг какого-то взлохмаченного создания, названия которого Эйрис не знала. Когда растение всасывало маленький бьющийся комочек, он только пискнул.

Колючий кустарник рядом с кембури неожиданно сбросил острые шипы со спорами на низкорослую траву. Маленькие чахлые цветочки, лихорадочно распускаясь от Первоутра до Последнего света, торопливо прятали лепестки под колючими грубыми листьями. Что-то невидимое внезапно испустило облако с резким запахом плесени, в ответ другой невидимка захлопал в сумерках крыльями. Мир вельда готовился к наступлению ночи; шипастая зеленая тень скользнула под скалу. Когда наступал час пробуждения растений, ни одно животное не осмеливалось пошевелиться или подать голос.

Эйрис неохотно направилась к реке и, опустившись на колени, нащупала рукой комочки глины, которые прилепила к скале. Оба шарика были на месте. Вода в реке поднималась не так быстро, как она боялась. Она может задержаться здесь до Первоутра. Но к чему ждать? Через несколько часов взойдет Большая Луна, и можно будет продолжить путь; у нее нет причин медлить. Нет причин медлить.

Эмбри...

Зажмурившись и опустив руку в ледяную воду, Эйрис терпеливо ждала, когда схлынет приступ боли. Боль обязательно проходит, она поняла это за три дня изгнания. Боль проходит всегда.

Костер почти догорел. Бережно используя каждую щепку, умело подкладывая сухую траву и веточки, Эйрис снова разожгла его. «Хоть огонь разводить умею, – подумала она с усмешкой, – как и все стеклодувы». Костер – первое, в чем ей сопутствовал успех с момента изгнания из Делизии.

Костер вновь ярко вспыхнул. Эйрис сидела и смотрела на огонь. Отблески пламени плясали на причудливых выступах синей бутылки. Темный вельд шелестел травой, откуда-то доносился запах игольчатых кустов и еще какая-то резкая вонь. Позади, в трех днях пути отсюда, лежало море. И Делизия. И Джела. А впереди, высоко в горах...

Огромная тень пронеслась над ее головой. Эйрис успела разглядеть четыре громадных крыла. Где-то вдалеке завыл вечно злобный и настороженный кридог.

Раздался звук, похожий на щелчок челюстей, и крик. Эйрис откинула одеяло и вскочила на ноги, спросонья забыв, где она находится. Крик повторился, что-то сверкнуло во мраке за выступом скалы. Эйрис ринулась вперед и увидела девушку, прижатую к скале извивающимися серо-зелеными кольцами кембури. Девушка полоснула по растению ножом и опять закричала. В ее голосе звучало столько радости, что Эйрис сначала остолбенела, не веря своим ушам, а

потом поняла, что девушке нравится сражаться с кембури! Зеленые щупальца окружали ее со всех сторон. Медлительное из-за ночной стужи, растение не торопясь подбиралось к человеческому телу, излучавшему тепло. Пока растение собиралось с силами, девушка успела отсечь один из побегов и размеренными ударами тренированного бойца принялась рубить другой.

«Это одна из джелейских сестер-легионеров», – подумала Эйрис и сжала рукоятку ножа. Но усталость подвела ее: спросонья в руке оказался не нож, а бутылка синего стекла.

Мощный удар отсек второй побег.

Девушка повернулась к Эйрис и оскалила ровные белые зубы. Сделав шаг вперед, произнесла насмешливо:

– Ну, делизийка... теперь твоя очередь.

Эйрис горько усмехнулась. «Делизийка!» Да ей придется умереть за то, что она из Делизии. Делизия отвергла ее, обрекла на смерть в вельде. Еретичка, предательница, угроза для детей, даже для собственного ребенка, теперь должна умереть за то, что она делизийка. Чудовищная несправедливость! Эйрис громко истерически расхохоталась. Джелейка нахмурилась – она не ожидала такой реакции. Пока девушка стояла в замешательстве, на нее набросился второй кембури, скрывавшийся в траве. В пылу борьбы джелейка не заметила, как приблизилась к нему. Две плети толщиной в руку схватили ее за лодыжку, к ней тянулись все новые и новые побеги. Девушка стояла лицом к Эйрис и не видела врага. Она оказалась в крайне невыгодной позиции, но обладала отменными рефлексам. Джелейка мгновенно развернулась и принялась рубить, откидывая плети, пытавшиеся схватить ее за руку. Она воинственно закричала, будто ее боевой клич тоже был оружием.

Эйрис отрезвил собственный безумный хохот. Если я не возьму себя в руки, то просто сойду с ума, подумала она и спряталась за выступом скалы.

Джелейка стряхнула две плети с правой ноги, но третий побег успел обвиться вокруг левой лодыжки. Девушка попыталась вырваться, но тут еще одно щупальце затянулось узлом на ее бедре.

Джелейка замерла. Ее лицо, залитое лунным светом, побелело от страха, но она сразу пришла в себя и снова вступила в борьбу. Безупречная реакция помогала ей защищать лицо и руки от лиан. И все же девушке вряд ли удалось бы отбиться, но тут Эйрис вдруг бросила бутылку. Бутылка описала крутую дугу, ударилась о скалу и разбилась, наполнив воздух резким запахом кислоты. Кембури издал звук, не похожий на крик живого существа, газ с шипением вырывался из его пор, но сдуть обжигающую кислоту было не так просто. Растение ослабило путы. Джелейка вырвалась, вскочила на край скалы, и обхватив Эйрис за талию, вместе с ней покатила вниз, к реке, подальше от кембури, который в агонии все еще выбрасывал плети вдогонку ускользящей добыче. Но наконец он свернул обожженные щупальца в клубок и исчез в траве.

Бутылочное горлышко скатилось к самому берегу.

Эйрис опустила на землю и устала на место, где кончался вельд и начинался каменистый берег. Джелейка стояла у костра, сжимая в руке ее нож, и с удивлением разглядывала лезвие.

– Это же нож резчика, – заметила она.

Эйрис ничего не ответила.

– Нож резчика. На что ты рассчитывала, отправляясь с таким оружием в вельд, делизийка?

Истерический смех сорвался с уст Эйрис.

– Я спрашиваю: что ты собиралась делать здесь с таким ножом? повторила джелейка.

– Вырезать, – ответила Эйрис, перестав смеяться.

Она боролась с желанием закрыть глаза и заткнуть уши. Бутылку сделали всего десять циклов назад. Эйрис представила себе, как маленькая ручка Эмбри нетерпеливо тянется к

остывающему стеклу, с любопытством проводит грязным пальчиком по причудливым изгибам синевы, и вот девочка уже бежит показывать свое первое изделие соседкам по стеклодувной мастерской. А она, ее мать, разбила эту бутылку! Разбила, испугавшись за жизнь джелийской сестры-легионера, которая, кажется, приняла ее отчаяние за храбрость.

Джелийка и делизийка смотрели друг на друга сквозь огонь костра.

Джелийка была много моложе, почти девочка, однако, судя по вышитой тунике, уже успела доказать свое воинское искусство. Красивое лицо, черные глаза, гладкие черные косы, уложенные на затылке в тугой узел, столь любимый этой воинственной кастой, изящная длинная шея и естественная грация превосходно тренированного тела.

– Чем ты кинула в кембури? Что было в бутылке? – спросила сестра-легионер.

Эйрис посмотрела в сторону вельда. Синее горлышко, все еще запечатанное, лежало на границе камня и вельда. Она подбежала к нему, подняла и перевернула. Несколько капель обожгли ладонь.

– Кислота. Чтобы смешивать с медной краской, – ответила она, едва слыша собственный голос. – Она придает краске текучесть, а стеклу – блеск.

– Ты стеклодув?

– Была стеклодувом, – ответила Эйрис, услышав презрение в голосе джелийки, потом добавила: – Тебе повезло. Кислота сжигает не только растения, но и пальцы.

Девушка вспыхнула и приблизилась к Эйрис. Та встала, крепко сжимая горлышко, и предупредила:

– Будь осторожна. Теперь я вооружена.

– Этим? Против меня? – фыркнула джелийка. – Сядь.

Эйрис опустилась на траву, рядом присела на корточки джелийка. Ее напряженный взгляд излучал тепло.

– Делизийка, зачем ты спасла меня?

«Эйрис, зачем ты рисковала жизнью своего ребенка?»

Тон вопроса был тот же. Кольцо обвинителей, отцов города, освещенных мерцающими разноцветными лучами, струящимися сквозь окна зала Совета, расписанные матерью Эйрис, и джелийская сестра-легионер, присевшая на корточки у края скалы, едва различимая в сгустившейся темноте, чем-то походили друг на друга. Они говорили с ней одинаковым тоном. Эйрис вновь мрачно захохотала. Какая разница, придется ли ей умереть от руки этой девушки или от холода и сырости вельда? К чему пытаться оборвать этот смех? Но, как ни странно, смех затих сам собой. Эйрис предпочла жизнь.

– Какая разница, зачем я спасла тебя; главное, я сделала это.

Девушка пытливо смотрела на нее черными глазами и молчала.

– Я спасла тебе жизнь. Теперь мы стоим на одном клинке чести, сказала Эйрис.

Девушка сплюнула в ответ на это заявление; наверное, оно показалось джелийке богохульством. Как это ей, стеклодуву, удастся все время богохульствовать?

– Кодекс легионера не распространяется на делизийцев, – произнесла наконец девушка.

– Ты уверена? Тогда ваш кодекс недостойн называться кодексом чести.

– Делизийка говорит о чести? – девушка демонстративно плюнула в огонь. Тлеющие угли задымились.

– Наши города не воюют. По крайней мере сейчас. Значит, мы стоим на одном клинке. Что свободно дано, пусть свободно вернется.

Джелийка внимательно изучала ее. Эйрис заставила себя взглянуть на происходящее глазами сестры-легионера: подданная Делизии, грязная, несмотря на то, что река рядом. Три года назад Делизия и Джела воевали, потом установилось хрупкое перемирие, которое ураган войны грозил смести уже на будущий год. Всему этому можно было противопоставить только прими-

тивное понятие девушки о воинской чести. Она не станет размышлять. Ей проще убить делизийку и закончить спор.

Пальцы Эйрис крепче сомкнулись на горлышке разбитой бутылки Эмбри.

Девушка чертыхнулась и, извергнув поток смачных солдатских ругательств, спросила:

– Ты требуешь клинка чести?

– Я спасла твою жизнь.

– Ты не сказала, зачем!

– Честь не требует этого.

– Слишком много ты знаешь о чести воина, делизийка.

Эйрис поняла, что джелийка собирается произнести слова клятвы, и испугалась. Не кинь она бутылку, не торгуй цех с Джелой и не узнай она кое-что о кодексе чести легионеров, будь джелийка постарше или окажись она мужчиной...

– «Мы стоим на одном клинке», – раздраженно начала девушка, чеканя каждое слово клятвы, – «связанные...» Встань, потаскушка! «Мы стоим на одном клинке, связанные честью самой жизни. Что свободно дано, пусть вернется свободно. Только дети могут принять силу другого и не быть обязанными, если же кто-то другой не вернет свой долг – да уменьшатся его силы, да превратится он в калеку. Никто не может свободно распоряжаться своей силой, если только он не расходует жизнь на служение плоти. Что свободно дано, пусть вернется свободно». Скажи, что ты требуешь взамен, грязная пожирательница падали.

– Твою защиту в течение одного цикла путешествия. Эти три ночи и три дня, тогда мы будем в расчете.

Джелийка нахмурилась. Клятва обязывала ее только однажды спасти этой женщине жизнь, как спасла ее та, но тогда девушке пришлось бы сопровождать Эйрис, пока не представится такая возможность, а джелийке этого совсем не хотелось. Эйрис знала, что легионеры могут предложить другой способ исполнения клятвы чести. Если бы не существовало такой возможности, скоро все они запутались бы в причудливо пересекающейся паутине присяг и клятв. При всем при том ей никогда не приходилось слышать о джелийском легионере, который не сдержал бы слова чести. Только смерть, естественная или от руки врагов либо своих соотечественников, таких же решительных и негибачемых, могла помешать им. «Джела для верности, Делизия для предательства», пронеслось в голове у Эйрис. Эту пословицу часто повторяли и в самой Делизии. Эйрис вспомнила Совет города и усмехнулась.

– Я принимаю твое требование, – угрюмо согласилась девушка. – Куда ты направляешься?

– К Серой Стене.

– Зачем? – Джелийка подалась вперед.

– Я не обязана рассказывать тебе.

– Как хочешь. – Сестра-легионер нахмурилась. – Но неужели ты надеешься, что тебя возьмут за Серую Стену?

Эйрис посмотрела на нее и медленно произнесла:

– Ты ведь тоже идешь туда, к Стене.

– Они принимают только солдат и легионеров, делизийка.

Эйрис не слышала об этом. Делизию наводняли совершенно противоречивые истории о Серой Стене, дополняемые и подогреваемые слухами о войне с Джелой. Делизийцам не хотелось пускаться в путешествие просто для того, чтобы проверить все эти сплетни; лучше наживаться на том, что проверить нельзя. Однако ей не доводилось слышать, что ступить за Стену могут только легионеры и солдаты. Если это действительно так...

Если это действительно так, то ей некуда больше идти.

– Меня не волнует, попадешь ли ты за Стену, – продолжала джелийка. Твое требование принято. Я буду защищать тебя до самой Серой Стены. Но мы попадем туда задолго до конца

этого цикла. Только безвольный делизиец может тащиться туда так долго. Сейчас мы отдохнем, а потом будем идти весь Темный День, или пока у тебя хватит сил. К Стене подойдем к концу Первоутра или, самое позднее, в начале Легкого сна. Но я не сплю возле костров, чтобы каждая тварь меня видела, и не делю постель с проститутками. Я буду защищать тебя, делизийка, но спать и передвигаться ты будешь одна. Если понадобится – зови.

– Подожди! Как тебя зовут?

– Джехан. Какое еще оружие у тебя в мешке?

– Никакого.

– Одна и без оружия посреди вельда? – фыркнула джелийка.

– Да.

– Ну тогда к чему так беспокоиться? Мне нужно что-нибудь получше, чем этот нож.

Сестра-легионер протянула руку к мешку Эйрис, та не могла помешать ей и покорно смотрела, как Джехан роется в ее вещах. Она искала оружие, которого там не было, но ей удалось нащупать другой предмет. Джелийка извлекла его наружу и открыла рот. Перед ней оказалась стеклянная скульптура – двойная спираль, наполовину голубая, наполовину красная. Синий цвет постепенно переходил в индиго, потом в пурпур, затем следовал малиновый и, наконец, красный. В тусклом лунном свете спираль казалась совершенством, в котором не было ни малейшего изъяна.

Пораженная Джехан посмотрела на Эйрис:

– И ты осмелилась сделать это... ты...

На Совете ей задали тот же вопрос, возмущившись ничуть не меньше.

– Да.

– Ты, делизийка?!

– Да. – Она прикрыла глаза.

– Зачем?

– Потому что это прекрасно.

– Прекрасно?! Это символ джелийского клана жрецов-легионеров! Ты знала это, когда отливала спираль? Знала?

– Она не отлита. Стекло выдувают.

– Выдувают! Ты прикасалась губами...

Так же возмущался Совет. Глупцы. Как это люди могут быть настолько ограниченными? Их глупость лишила ее Эмбри.

– Ты осмелилась... – начала Джехан, задохнулась от ярости и крепче стиснула нож,

– Делизия и Джела не воюют. Не все ли равно, какие символы создают наши мастера?

– Как только твой город нарушит перемирие, мы опять примемся воевать!

Это было похоже на правду. По крайней мере так случалось раньше. Плодородной земли на побережье не хватало, чтобы прокормить оба города. Проще позволить Д желе перебить часть едоков, чем выращивать для них пшеницу на делянках в вельде. Зерно, дичь, рыба, дерево – Д желе для верности, Делизия для предательства.

– Я сделала спираль, – с расстановкой произнесла Эйрис, – потому что она прекрасна. И еще потому, что знала, как ее сделать. И если легенда, которую рассказывают ваши жрецы, правдива...

– Откуда ты знаешь, что рассказывают наши жрецы?

– Если это правда, и оба наши города построены людьми, бежавшими в лодке с Острова Мертвых, то у твоей и у моей дочерей одна прамактерь. Впрочем, если это и не так, если наши города будут враждовать до скончания века, то я не понимаю, чем провинилась, придав форму изделию из воздуха и материи. Взгляни, Джехан. Это просто стеклянная фигура. Не предмет страха или поклонения, в который вы ее превратили, а просто фигура...

– Прекрати! – оборвала ее девушка. Она изо всех сил швырнула двойную спираль оземь и принялась топтать ее коваными сапогами, превращая в пыль разноцветные осколки. Сначала стекло хрустело, потом слышался только скрип песка. Джелийка успокоилась, лишь когда стерла спираль в порошок.

– Я буду неподалеку, – наконец сказала она. – Не пытайся подкрасться ко мне. Я сплю чутко.

Она ушла, не оглядываясь, и растворилась в темноте.

Эйрис опустилась на колени и потрогала пальцем истолченное стекло. Несколько осколков прилипли к коже. Закрыв глаза, Эйрис с силой провела пальцем по камню, вдавливая осколки в живую плоть. Когда делизийка открыла глаза, то увидела камень, перепачканный кровью; на руке остались травинки и песок. Эйрис со злостью провела по стеклу другим пальцем, потом третьим.

На мгновение у нее потемнело в глазах. Едва придя в себя, она направилась к реке и опустила руку в воду. Постепенно боль утихла, кисть онемела от холода, но делизийка не спешила вынимать ее из воды. Затем она кое-как разожгла костер и завернулась в бурнус. Израненная рука понемногу согрелась и опять заныла. Эйрис не стала расстилать постель, а просто свернулась клубочком на голой земле. Душевная боль уступила место физической, и Эйрис в первый раз с тех пор, как ее дубинками и пинками, одну, без Эмбри, вышвырнули за ворота Делизии, заснула без сновидений.

3

«Делизийка проспала всю Первоночь. Она не проснулась даже, чтобы подбросить сучьев в огонь, даже чтобы понюхать воздух», – с презрением думала Джехан. Завернувшись в одеяло, эта размазня даже не шевельнулась до тех пор, пока Джехан не поддала ей ногой. Она не проснулась, даже когда совсем близко прокрался голодный кридог, когда вода в реке поднялась, угрожая затопить ее стоянку.

«Неужели все делизийцы такие? Не может быть, – рассуждала про себя Джехан, – иначе последняя война (девушка была тогда слишком мала, чтобы в ней участвовать) закончилась бы победой Джелы, а не перемирием. Некоторые делизийцы, должно быть, опытные вояки. Но эта, конечно, из плебса, предательница, отвергнутая собственным народом. Джелийка-легионер, окажись в подобной ситуации, убила бы себя. Но, видно, у делизийцев нет гордости. Изгой, стеклодув, размазня с вялой мускулатурой, способная дрыхнуть целый день посреди враждебного вельда».

В Первоночь Джехан спала очень чутко и трижды пробуждалась. Она успела отпугнуть кридога и несколько раз обойти стоянку делизийки у реки. Теперь она проверила оружие – нож с арбалетом, и чуть-чуть согрелась, проделав привычные воинские упражнения: не двигаясь, напрягала и расслабляла мышцы. Разминка помогала ей переносить усиливающийся холод, пока Ком медленно удалялся от солнца. Благодаря шестому чувству, выработанному годами тренировок, сестра-легионер проснулась точно в тот момент, когда двойная звезда Маяка, поднявшись из-за горизонта, возвестила о начале Темного дня. Джехан ополоснула лицо и руки ледяной водой и отправилась будить делизийскую рохлю.

Фу, как она противно пахнет! Джехан не могла припомнить, чтобы о делизийских женщинах говорили, будто они никогда не моются, но эта, кажется, не умывалась уже несколько дней и воняла так, что в вельде ее чуял каждый. Если бы у Джехан была уверенность, что эта продажная тварь умеет плавать, она бы просто спихнула ее в реку.

– Делизийка, проснись. Темный день.

Мокрица спала без задних ног.

– Да вставай ты, – Джехан с размаху пнула ее в бедро.

Женщина слабо застонала, села и зажмурилась, как будто ее ослепил свет двух лун и звезд. Она осунулась, движения были вялы и безвольны. Пожалуй, Джехан права: она настоящая размазня и глупа, как пробка. Ночью девушке пришла мысль о том, что, вероятнее всего, делизийка спасла ей жизнь не из храбрости, а по глупости. Зачем же стеклодуву уничтожать бутылку с кислотой, которая могла обеспечить ее нищенское существование?

Когда делизийка отбросила одеяло, Джехан увидела ее ладонь.

– Что у тебя с рукой?

– Порезалась, – ответила та ровным голосом.

– Все пять пальцев сразу? Твоя рука похожа на отбивную!

Мокрица молчала.

– Ты нарочно изувечила свою правую руку. Твой большой палец...

– Тебе-то что за дело?

– Как хочешь, – презрительно фыркнула Джехан.

Сумасшедшая! Если эта женщина не просто дура, а сумасшедшая, значит, Джехан встала на клинок чести с беспомощной сумасшедшей, лишенной уважения даже к собственному телу. И она, Джехан, должна защищать эту дуру на всем пути к Стене, на пути, который должен был стать ее Первым Испытанием. Девушка почувствовала горечь.

– Ешь, и пойдем.

Делизийка развязала свой мешок. Было ясно, что она не собирается умываться перед завтраком. Холодный воздух, особенно пронизывающий на заре Темного дня, шевелил ее нечесанные волосы, посыпанные какой-то пылью. Возможно, это один из порошков, которые добавляют при производстве в стекло. Делизийка посмотрела на еду и сказала:

– Не могу есть. Хочешь чего-нибудь?

Джехан с удивлением рассматривала ее запасы. Пшеничный хлеб, свежие дахофрукты, соленая рыба – довольно громоздкая поклажа для путешествия по вельду, но делизийка, видимо, была слишком глупа, чтобы догадаться об этом. Сама Джехан взяла а дорогу только сушеные фрукты и вяленое мясо. Хлеб покрывала красноватая глазурь. Иногда делизийцы добавляли в тесто сахар. Рот Джехан наполнился сладковатой слюной.

– Возьми. Я все равно не могу есть, – повторила Эйрис.

– Ну и глупо. Тебе не хватит сил, дорога впереди длинная.

– Ничего, справлюсь.

– Мы будем идти весь Темный день без привалов.

– Я сказала, справлюсь. Серая Стена от нас не убежит. Она там почти год, подождет и еще один день.

Джехан скривила губы. Мокрица. Дрожащая, израненная, на побледневшем лице – напряжение и отчужденность... Нет, до конца Темного дня она не дотянет.

– Попробуй этого хлеба, Джехан.

– Мне не надо твоей еды, делизийка. Если ты свалишься в пути, на себе я тебя не потащу. Даже клинок чести не обязывает меня спасать тебя от собственной глупости.

– Ну, сама-то я не свалюсь, – ответила Эйрис и улыбнулась так насмешливо, что Джехан смутилась. Что она хотела этим сказать? Никому не дано понять, что у делизийца на уме, они слишком хитры. Ну да ладно, хорошо хоть ей, Джехан, не придется идти рядом и вдыхать запах этой грязнули. Тьфу!

Спутницы двигались вдоль реки, заходя в вельд, только когда берег становился слишком крут или был загроможден валунами. Несколько раз, когда река делала слишком большую петлю, Джехан решалась срезать путь по прямой. В холодном сумраке ночи вельд казался пустынным и в то же время живым. Колючий кустарник, кембури, сочные, шипастые листья дахо неподвижными тенями серебрились в свете звезд. Животные почти не встречались, лишь изредка шелестела трава, и ветер доносил чей-то отчетливый, пугающий крик. Однажды они натолкнулись на катл, странную зеленую массу, которая росла прямыми колоннами подобно кристаллической скале, а питалась водой и солнечным светом. Даже жрецы-легионеры не знали, растение это или минерал. Джехан судорожно вздохнула.

Темные горы впереди заслоняли половину звездного неба и закрывали Ятаган, границу Волны Знамения. Куфа, практически одинокая в своей части небосвода, отливала тускло-красным. Черные воды реки бурлили и пенились, проносясь мимо крутых берегов, которые вдруг неожиданно расступались, открывая тихую заводь. Темное зеркало воды отражало мерцающий свет двойной звезды Маяка.

Джехан шла не задумываясь. Иногда обгоняла Эйрис, иногда оказывалась позади, иногда шагала рядом, но так, чтобы всегда находиться между делизийкой и вельдом. Однажды сестра-легионер выросла словно из-под земли рядом с Эйрис и подняла арбалет. Раздался глухой удар, крик боли, кто-то с воем удрал в заросли, изо всех сил.

– Кридог, – улыбнулась Джехан.

Делизийка лишь взглянула на нее большими усталыми глазами.

Как и предполагала Джехан, она была на пределе. Эйрис продиралась сквозь заросли недозрелого кифа и, одурманенная его тяжелым запахом, с трудом передвигала ноги, то и дело хватаясь за воздух. И нападавшего на нее кридога заметила только тогда, когда Джехан его подстрелила.

Она спасла жизнь этой мокрице! Вот что освободило бы ее от клятвы, не пообещай она доставить эту безвольную тряпку к самой Серой Стене. Тьфу!

Когда Маяк был почти в зените, Джахан снова появилась возле Эйрис:

– Привал.

– Сейчас? – вяло удивилась Эйрис, пошатываясь от усталости.

– Да. Тебе надо поспать, пока твои мышцы разогреты ходьбой – или, по крайней мере, должны быть разогреты, если они у тебя есть. Если ты заснешь позже, ты просто замерзнешь. И съешь чего-нибудь.

Делизийка не двигалась. Джахан поняла, что она не слышит ее слов. От обычной ходьбы эта мокрица так вымоталась, что не соображала, что ей говорят. Проклиная все на свете, Джахан разожгла костер и, подтащив делизийку к огню и порывшись в ее мешке, достала ломоть хлеба.

– Ешь.

Эйрис молча начала жевать да так и задремала с куском в руке. Джахан завернула спящую в бурнус. Сама она могла, если потребуется, обойтись и без него. Это, как учили наставники, признак настоящего воина: чем меньше вещей, без которых он не способен выжить, тем ценнее его искусство. Да разве может эта курица оценить настоящего легионера!

Джахан поела и, прислонившись к дереву, приготовилась к обороне. Середина Темного дня – самый темный час на Коме, но не самый холодный. Наставники пытались втолковать Джахан, которая оказалась не очень способной ученицей, как Ком вращается вокруг своей оси. С трудом и только под угрозой наказания она усвоила, что Ком вращается еще и вокруг неподвижного солнца. Потом наставники поведали ей еще более сложную теорию, согласно которой, это вращение образует один цикл: шестнадцать часов – Первоутро, два – Легкий сон, шестнадцать – Последний свет, потом десять часов – Первоночь, шестнадцать – Темный день, и десять – Третья ночь.

Эти знания были совершенно бесполезны. Один цикл сменял другой независимо от того, понимаешь ты этот механизм или нет. В детстве Джахан спрашивала: если холод приходит оттого, что Ком отворачивается от солнца, и если солнечного света меньше всего, когда приходит Темный день, то почему же тогда не он, а Третья ночь – самое холодное время цикла? Наставники не знали, что ответить. Так было всегда, говорили они. То же самое Джахан думала о вращении и с тех пор даже не пыталась понять невразумительные объяснения учителей, а просто подставляла спину под розги.

У нее до сих пор остались рубцы от Ударов, которые она принимала презрительно, но без сопротивления. Другое дело – наставники по оружию. Их указания Джахан выполняла скрупулезно, ведь навыки, которыми она овладевала, в один прекрасный день могли спасти ее. Но потратить всю свою жизнь после отставки на эту бесплодную болтовню!.. Уж лучше соединиться с братом-легионером и стать матерью легионеров или сделаться мастером-оружейником. Оружие, в отличие от этого непонятного вращения, можно пощупать и взять в руки.

А следопыты утверждают, будто Серую Стену потрогать нельзя.

Вспомнив это, Джахан даже присвистнула в темноте. Чепуха! Разве существует стена, по которой невозможно провести рукой? Стена есть стена, прочная, твердая, иначе она ни от чего не оградит и ничего не удержит. Но джелийцы – это не делизийцы, они не лгут.

О Стене судачили постоянно. Множество слухов и предположений рождалось из донесений разведчиков. А что, если эти домыслы подтвердятся? Впрочем, это неважно. Главное – за Стеной есть новое оружие, которое сделает Джелу сильнее, чем когда бы то ни было. А этого хотели все жители города.

Джахан попыталась не думать о Стене. Сперва надо до нее добраться. Пора будить делизийку – эту мокрицу, которая, проспав десять часов Первоночью, спит теперь среди Темного

дня – иначе она замерзнет окончательно. Маяк клонился к закату. И все-таки лучше отдохнуть сейчас, чем на ледяном холоде Третьей ночи.

Когда Джахан последний раз ночевала в вельде, она спала, крепко прижавшись к сестрам, свободным от несения караула. Так было теплее. Где-то сейчас Нахид и Айша? Красавица Айша...

Вот из-за этой неразберихи Джахан и оказалась сейчас здесь. Ее задача – добраться до Стены и войти туда. Иного пути не было.

Холод Третьей ночи пробирал до костей. С низины поднялись облака. Случись это чуть пораньше, Первоночью, облака принесли бы тепло, но сейчас они лишь затмили звезды. Близ гор местность была еще более дикой и пустынной, изрезанной оврагами, усеянной камнями. Из-за этого, да еще из-за мрака и холода продолжать путь было невозможно.

– Мы должны развести огонь, – сказала Джахан.

Делизийка ничего не ответила – она стучала зубами от холода и молча смотрела на Джахан из-под капюшона.

Джелийка не могла позволить ей заснуть. Она согрела на костре воду, речную воду, которая сначала обжигала холодом руки, а теперь опаляла горло. Время от времени Джахан грубо встряхивала делизийку и заставляла ее бегать на месте. Эйрис не сопротивлялась, она тяжело дышала, и каждый вздох отзывался тупой болью в легких.

Завывания кридогов раздавались все ближе. Джахан положила руку на арбалет. Когда она сказала, что Эйрис надо поесть, та молча протянула ей хлеб. Джахан не отреагировала.

– П-плата, – сказала Эйрис. – С-считай это п-п-платой.

Джахан презрительно усмехнулась.

– Плата – для п-покупателей и продавцов.

– А кто же м-мы?

Джахан стиснула арбалет.

– Повтори это еще раз, д-делизийка, и я уб-бью тебя. Покровительство легионера не продается. Хотя у вас, в Д-делизии, купить можно все.

– Н-не с-совсем все, – выдавила Эйрис. Она закрыла лицо руками. Джахан молча смотрела на ее дрожащую фигуру и слушала странный пронзительный смех женщины.

Сумасшедшая. Эта дрянь – сумасшедшая.

Сестра-легионер принялась прыгать на месте, пытаясь согреться, но все равно не чувала ног. Небо на западе прояснилось. Маяк давно миновал зенит и, хотя казалось, с тех пор прошли месяцы, его двойная звезда стояла все еще довольно высоко. А это означало, что Первоутро наступит не скоро. Джахан никогда не видела заката Маяка. Он всегда таял в бледном свете Первоутра. «Когда увидишь закат Маяка», – вспоминали в Дзеле поговорку, когда говорили о чем-то совершенно невероятном. Однажды она слышала ее и в Делизии. Как попала джелийская поговорка в Делизию? Скорее всего ее украли.

Джахан совсем закоченела, и ей вовсе не хотелось окончательно замерзнуть здесь, возле делизийки. Кридогам безразлично, откуда взялась падаль, которую они пожирают.

– В-вставай, – Джахан, как всегда, пнула спящую в бок. Та заворочалась, застонала, трясась от холода. Джахан поставила ее на ноги и вдруг почувствовала дуновение ветра. В ней ожила надежда. Ясно, что ветер после тихой ночи будет холодным, но Джахан радовалась этому пронизывающему холоду, ведь он – предвестник рассвета. Девушка специально развела костер с подветренной стороны скалы. Ветер был последним испытанием, завершающим ударом по безмозглой кукле, с которой связалась Джахан.

– П-просыпайся!

Восток наконец очистился от туч. Маяк побледнел и исчез.

Джехан переполняло счастье. Она справилась. Она выжила в вельде, одна, без сестер, да еще сохранила жизнь этой мокрице, с которой судьба поставила ее на один клинок чести.

Солнце взошло, и в его лучах впереди заблестела Серая Стена.

До стены оставалось еще несколько часов ходьбы, однако безупречный прямоугольник высоко на холме был хорошо различим. «Все сделано для того, чтобы ее заметили, – с одобрением подумала Джехан. – А почему бы и нет? Зачем притворяться, если бросаешь вызов».

– Посмотри, какая она широкая, – произнесла делизийка, – это заметно даже отсюда.

– Настоящая скала, – отозвалась Джехан и только потом сообразила, что говорит вслух.

– Нет, это не скала, – возразила Эйрис.

– А что же тогда? – насмешливо спросила девушка.

– Видишь, как от нее отражается свет? Значит, поверхность Стены абсолютно ровная.

– Боишься, делизийка?

– Конечно.

Спокойный ответ женщины обезоружил Джехан. Она нахмурилась, вглядываясь в далекую крепость. Ее тренированное тело невольно напряглось. Именно так, согласно древним легендам, выглядел Остров Мертвых – серая, расплывчатая, слепящая стена.

– Если бы ты спросила ваших разведчиков, – продолжала Эйрис, – ты бы знала, что это не камень. Даже в Делизии говорят...

– Замолчи. Видишь холм, на котором она стоит? У его подножия я тебе больше не защита. Клинок чести кончается. Там мы с тобой простимся, и твоя дальнейшая судьба меня не волнует.

Делизийка не ответила. Она стояла перед Джехан, грязная и дрожащая, прикрыв рукой глаза и внимательно разглядывая каменистую ложбину, отделявшую их от стены. Девушка тоже смотрела на склон, убегаящий вниз, как вдруг услышала ровный голос Эйрис:

– Меня тоже не волнует, что со мной будет.

Наверное, ей послышалось. Что за чушь? Даже делизийка, пускай и пустоголовая, должна беспокоиться о том, что с ней случится. Не могут делизийцы настолько безразлично относиться к своей судьбе.

4

Серая Стена оказалась гораздо дальше, чем они думали. Наступил уже пятый часа Первотра, а Стена по-прежнему маячила на горизонте. Мышцы Эйрис болели с непривычки, хотя восходящее солнце понемногу отогревало их и смягчало боль. Кембури высвобождались из своих плотных коконов и расправляли побегов, жадно впитывая солнечный свет. Теперь они были безопасны, как обыкновенная трава. Раскрывались недолговечные полевые цветы и поворачивались к солнцу слепыми глазками. Дахофрукты, поспевая на глазах, уже наливались багрянцем. Река весело вспыхивала на солнце.

– Подожди, – попросила Эйрис.

– Ты можешь поесть после того, как я от тебя избавлюсь. Шевелись! приказала Джехан.

– Я не собираюсь есть, я хочу помыться. Мы ведь скоро уйдем от реки. Вон за теми деревьями есть спокойная заводь. Я хочу смыть грязь до того, как мы подойдем к Стене.

Джелийка нахмурилась:

– Зачем?

«Неужели ее так рассердило мое намерение помыться? Она еще больше расшаркает, если я не утону», – подумала Эйрис. Она быстро стянула с себя одежду и нырнула с невысокой скалы. Вода обожгла ледяным холодом, и вскоре делизийка с посиневшими губами выбралась на берег. Достав кусок простого мыла – первое, что она поспешно сунула в мешок перед изгнанием, снова направилась к реке.

Джелийка, отвернувшись, неподвижно застыла на берегу. Эйрис слышала да и кто в Делизии не слышал? – сальные шуточки о сестрах-легионерах, но, конечно, поклонница женщин не была бы так смущена наготой другой женщины... Пожав плечами, Эйрис принялась за свою тунику. От нее сильно пахло потом. Склонившись над водой, она изо всех сил терла тунику мылом, а потом натянула на себя, чтобы одежда побыстрее высохла на солнце.

Щелочное мыло обожгло исцарапанные пальцы. Они угрожающе полиловели. Особенно глубокие порезы были на большом пальце. Может быть, в ранах остались осколки. Где сейчас Эмбри? Уж конечно же, не в мастерской. Солдаты все разгромили. Эйрис оставила девочку у Наджли, сестры своей матери. Даже если тетка не слишком рада такому родству, она все-таки позаботится о том, чтобы девочка не голодала. Но сумеет ли эта женщина утешить униженного и покинутого ребенка? Впрочем, Эмбри не станет плакать, она уже достаточно взрослая...

– Идем, – раздраженно бросила Эйрис джелийке, но Джехан куда-то исчезла. Они еще не достигли того места, где, как она сказала, заканчивается ее миссия, но девушка уже растворилась, бросив спутницу посреди недружелюбной местности. Эйрис прищурилась и посмотрела в сторону Стены, но сестры-легионера нигде не было видно. Тогда она натянула башмаки, подобрала мешок и отправилась дальше, но сделав несколько шагов, услышала приближающиеся голоса.

Мужские голоса. Эйрис огляделась. Люди оказались ближе и шли быстрее, чем ей хотелось бы. Она стояла на поляне у реки; мужчины появились из-за деревьев прежде, чем делизийка успела спрятаться. Их было двое, судя по одежде – тоже делизийцы, хотя загаром они смахивали на джелийцев. Увидев Эйрис, оба остановились.

– Смотри-ка, – удивился один. На расплывшемся, заросшем щетиной лице, бегали маленькие глазки. – Ты здесь одна?

– Непохоже, – заметил другой, чуть ниже ростом, с трясущимися руками и сломанным носом.

– Мой любовник охотится неподалеку, – ответила Эйрис и, прижимая к себе мешок с вещами, попыталась проскользнуть мимо.

– Брось, Ралшен, – начал маленький человечек, беспокойно оглядывая вельд.

– Ну нет. Ты промокла, красотка. Вода слишком холодна для такой нежной кожи.
– Хочешь доказать, что Стена тебя не стерилизовала, а, Ралшен? мрачно спросил другой.
– Заткнись. – В его улыбке чувствовались превосходство и сила.
– Я делизийка, – на всякий случай предупредила Эйрис.
– И направляешься к Стене, – рассмеялся Ралшен. – Ты скажешь мне спасибо, если я тебя задержу.

– Любовник сейчас вернется.

– Значит, нам надо поторопиться, верно? – проворковал он и бросился вперед. Эйрис швырнула в него мешок и отскочила в сторону, но недостаточно быстро. Ралшен схватил ее за руку и рванул к себе. Эйрис изо всех сил ударила его ногой. Оба повалились на землю. Мужчина оказался сверху, его борода лезла ей в рот, она задыхалась и почти не могла сопротивляться. Правой рукой Эйрис ударила его в подбородок, но покалеченный палец отозвался дикой болью. Ралшен склонился над ней. Одной рукой он завел ей руки за голову, а другой сверху вниз разорвал тунику. Боль вперемешку с испугом заставили ее закричать.левой рукой Ралшен зажал ей рот. Правая потянулась к ее груди.

В следующее мгновение его тело сотряс сильнейший удар, голова откинулась назад, звериный крик сменился булькающим звуком. Кровь хлынула из раскрытого рта. Тело обмякло. Стрела Джехан пронзила шею делизийца насквозь.

– Не двигаться, – приказала джелийка второму мужчине, который стоял, уставившись на наконечник стрелы, направленный ему в горло.

– Нет-нет, – испуганно зачастил он, – я не трогал ее, это он!

– С вами был кто-нибудь еще?

– Никого! Только Ралшен и я. Я не хотел ее обидеть – вы же слышали, я просил оставить ее в покое! Я просил!

– Куда вы шли?

– В Делизию.

– Откуда?

– От Серой Стены.

– Почему?

Эйрис сбросила с себя убитого, поднялась на ноги и оправила тунику. Джехан даже не взглянула на нее.

– Я спрашиваю, почему вы ушли от Серой Стены.

Маленький человечек, казалось, колебался. Его глазки угодливо метались между джелийской сестрой-легионером и делизийкой, которая судорожно пыталась прикрыть грудь разорванной туникой. Струйки пота стекали по его лицу. Наконец он ответил:

– Мы испугались того, что говорила Стена.

– И что же она такого сказала?

Человечек втянул голову в плечи, облизнул губы и попытался улыбнуться Джехан. Его гримаса напоминала оскал кридога. Девушка криво усмехнулась и с отвращением подняла арбалет. Человечек запричитал. Джехан прицелилась и выстрелила. Стрела вонзилась прямо в горло жертвы. Эйрис вскрикнула и отвернулась.

– Этот негодяй, – произнесла у нее за спиной Джехан, – из твоего родного города. Вас даже животными нельзя считать.

Эйрис боролась с подступавшей дурнотой.

– А у вас в Дзеле никогда не насилюют? – Ее голос задрожал и сорвался.

– Брат-легионер никогда не тронет гражданку Дзелы. Для этого есть проститутки.

– Пленные делизийки! – выкрикнула Эйрис, едва соображая, что говорит.

Она начала успокаиваться, но колени все еще подкашивались. Добредя до дерева, она прислонилась к стволу и закрыла глаза, продолжая сжимать разорванные края туники.

– У меня есть иголка с ниткой, – смягчилась Джахан.

– У меня есть свои, – ответила Эйрис. Она вспомнила, как Джахан разбила двойную спираль, вспомнила, как блестело в лунном свете синее и красное стекло, как катилось по земле горлышко разбитой бутылки Эмбри.

– Джахан, – спросила она, прикрыв глаза, – а если бы эти двое оказались джелейцами, защитил бы меня твой клинок чести?

Ответа не последовало. Эйрис открыла глаза и увидела, что девушка склонилась над телом Ралшена и стирает кровь со стрелы краем его рубашки.

– Скажи, убила бы ты легионеров Джелы, чтобы исполнить клятву чести? – повторила Эйрис.

– Прикройся, – огрызнулась Джахан, снова ничего не ответив. Выпрямившись, она направилась к трупю маленького человечка, который с широко раскинутыми руками валялся на берегу реки. Одним мощным рывком девушка выдернула стрелу. Кровь фонтаном хлынула из раны.

Эйрис наконец отыскала в своем мешке иголку с ниткой, стянула тунику и принялась ее штопать. Размеренные движения слегка успокоили ее. Когда она снова надела тунику, дрожь совсем прекратилась. Джахан стояла к ней спиной, пристально вглядываясь в вельд. Эйрис подняла мешок, не в силах отвести глаз от двух безжизненных тел, ярко освещенных солнцем.

– Спасибо, Джахан.

– Я не нуждаюсь в твоей благодарности. Она пятнает мою честь.

Эйрис промолчала. Путницы направились к холму, увенчанному Серой Стеной.

От реки тропа вела вверх по скалам, и вскоре Эйрис потребовалось напрячь все свои силы, чтобы поспевать за Джахан, а джелейка даже не запыхалась. Наконец девушка остановилась и, прищурившись, посмотрела на солнце. Эйрис показалось, что она пытается определить перешло ли уже Первоутро в Легкий сон. Делизийка делать этого не умела. Она выросла в городе и привыкла определять дни и ночи по звону колокола. Как бы то ни было, спать ей пока не хотелось.

Солнце припекало. Самые нежные полевые цветы, те, что распускаются на рассвете, уже закрывались, пряча бледные лепестки от палящего зноя. Их сменяли другие растения: огромные зеленые зевы, впитывавшие солнечный свет, как воду. Один зев, обведенный толстой слизистой каймой, вдоль которой располагались листья, больше похожие на шипы, приковал внимание Эйрис, ее просто заворожил беззвучный ритм, с которым вздымались и опадали края зева: казалось, они подчинялись музыке самого солнца.

Дважды Эйрис и Джахан издалека видели людей. Одна группа шла по направлению к Стене, другая – обратно. Оба раза Джахан уклонялась от встречи. Путницы не смогли даже разглядеть их одежду и не знали, откуда эти люди Джахан петляла, запутывая следы, что отнюдь не приближало их к цели. Эйрис больше не протестовала. Взмокшая и страшно уставшая, она думала только о том, чтобы не упасть. Лицо Джахан оставалось жестким, напряженным, она то и дело нагибалась к самой земле, и ничто не могло укрыться от ее черных глаз.

У подножия холма, на котором стояла Серая Стена, начиналась широкая утоптанная тропинка, но вокруг не было ни души. Джахан двинулась вперед. Дорожка плавными петлями поднималась к плоской вершине холма. Снизу виднелся только верхний край стены – прямая, как стрела, сверкающая серебристая линия. С минуту Джахан смотрела на нее, потом повернулась к Эйрис и напыщенно произнесла:

– Мы стояли на одном клинке, связанные честью самой жизни. Что свободно дано, свободно вернулось. Сила склонилась перед силой. Я исполнила твое требование. Согласна, делизийка?

– Согласна. Меня зовут Эйрис.

– Это меня не интересует. – Джахан сплюнула, повернулась к делизийке спиной, двинулась вверх по тропе и вскоре исчезла из вида.

Эйрис последовала за ней, с трудом карабкаясь по крутому склону. Закинув мешок за уступ и подтянувшись, она оказалась на ровной площадке. Джахан нигде не было видно.

Абсолютно гладкое плато простиралось гораздо дальше, чем думала Эйрис. Его покрывала невысокая молодая трава. Других растений здесь не было. С изумлением она подумала, что подтверждаются самые дикие слухи о том, будто безупречно гладкую Стену и абсолютно ровную вершину создали меньше года назад, поэтому поросль здесь была пока негустой. Эйрис разглядела один угол Стены, с правильной и четкой, словно у разрезанного стекла, гранью. Какая она, эта Стена? Квадратная? Какой-то зверек появился из норки, но, увидев Эйрис, юркнул обратно. «Испугался», – решила она, закрыла лицо ладонью и рассмеялась. Потом, подбрав мешок, направилась к Стене.

Стена была в десять раз выше Эйрис и слабо поблескивала. Материал чем-то напоминал отполированный металл, но оказалось, что Эйрис не может до него дотронуться. Когда она пыталась это сделать, руке препятствовало что-то невидимое, толщиной с детский ноготок, гладкое, как стекло, но внутри его чувствовалась вибрация, подобная шипению некоторых напитков. «Что же это такое?» – подумала Эйрис, прижав ладони к невидимой поверхности. Она принюхалась, но не почувствовала никакого запаха.

И тут Стена заговорила:

– Это город Эр-Фроу. Вы хотите войти. Ворота с восточной стороны. Идите к восточной стене. Но прежде вы подвергнетесь испытанию.

Эйрис отпрянула и затравленно оглянулась. Ни души. Она стояла, ярко освещенная палящим солнцем. Сердце бешено стучало у нее в груди. Наконец, женщина снова протянула руку и прикоснулась к Стене.

– Это город Эр-Фроу. Вы хотите войти. Ворота с восточной стороны. Идите к восточной стене. Но прежде вы подвергнетесь испытанию.

«Мы испугались того, что она говорила», – вспомнила Эйрис слова спутника Ралшена и снова дотронулась до стены. Все повторилось в третий раз. Голос ничуть не изменился – такой же ровный и слегка приглушенный, как будто кто-то монотонно и бесстрастно ворчал. Она еще никогда не слышала такого странного голоса.

«Мне страшно», – отчетливо пронеслось в голове Эйрис, но она все-таки снова приблизилась к стене и принялась разглядывать материал, из которого была она сделана – совершенно однородный, без малейшего изъяна или неровности. Дождь и ветер не оставили ни следа на гладкой поверхности.

Делизийка завернула за угол и замерла, изумленная размерами Стены. Она оказалась раза в четыре или пять длиннее, чем западная часть. Город скорее всего представлял собой вытянутый прямоугольник. Этой Стеной можно обнести всю Делизию с прилегающими садами и виноградниками, прихватив еще и часть прибрежного леса. Солнце освещало южную сторону Стены, и она серебрилась, как вода, к которой нельзя прикоснуться.

В Делизии говорили, что эту Стену, которая появилась из ниоткуда меньше года назад, перенесли сюда духи Острова Мертвых. Но все это детские сказки. Делизия слишком практична, слишком занята металлами, стеклом и одеждой, чтобы верить в сверхъестественное. Однако находились и такие, кто в самый глухой час Темного дня, поплотнее завернувшись в бурнус и уткнувшись в кружку с кафой, шептал, что вот, мол, однажды людям удалось бежать с Острова Мертвых, иначе как объяснить появление на Коме двух городов? У всего должны быть свои истоки. Но даже самым опытным рыбакам никогда не удавалось достичь Острова Мертвых, в этом океане, насколько хватает глаз, вообще нет островов, значит, этот Остров страшно далеко от берега. Только духи способны преодолеть такие расстояния. Только духам под силу возвести такую Стену...

Эйрис не верила в духов. Но кто же еще мог ее построить? Не Делизия там нет мастеров, способных создать подобный материал, не говоря уже о размерах сооружения, и, уж конечно, не Джела – город, в котором процветали лишь боевое искусство и знахарство, город, где хорошо делали только оружие. Но тогда кто же? Никто из принадлежащих к этому миру!

Движимая любопытством, Эйрис опять притронулась к Стене. Невидимый голос вновь повторил те же слова. Тут она увидела далеко впереди две медленно бредущие на восток фигурки. Кто это? Делизийка, несмотря на сильный страх, тоже пошла вдоль говорящей Стены по мягкой зеленой траве. Когда Эйрис наконец достигла юго-восточного угла, она невольно замерла в изумлении: восточная часть стены была сделана из того же материала, что и остальные, но на сером фоне выделялись три одинаковые черные арки закрытых ворот. В два человеческих роста каждая. Напротив северных и южных ворот теснились какие-то строения. Грязная деревня – нет, две деревни, опаленные полуденным солнцем. Ближний к Эйрис лагерь – второй она не сумела рассмотреть – состоял из кое-как сооруженных навесов, заштопанных палаток и грубых хижин, наспех построенных из глины и камней. Их не удосужились даже побелить. Между Стеной и ближайшим к ней шатром осталось широкое пространство, словно никому не хотелось селиться слишком близко к воротам.

В проходе между двумя лачугами появился делизийский солдат и направился напрямик к Эйрис. Темные волосы спадали ему на плечи.

– Только что из Делизии? – спросил он.

Она молча кивнула.

– Ты оказалась возле нужного лагеря. Тебе повезло, что не вышла из-за другого угла. – Он произнес это так, будто не ждал такой удачи. Эйрис взглянула на солдата, но тот, отвернувшись, мрачно уставился на другую деревню, которая находилась гораздо дальше первой.

– Джелильцы? – устало предположила она.

Солдат кивнул, не поворачивая головы.

– Стена сказала... – Эйрис задумалась над тем, что произнесла, и не смогла удержать истерического смешка. – Стена сказала: надо пройти испытание.

– Возьми у Брил жетон. Это там, – солдат указал на ближайшее строение. Фасад представлял собой приплюснутый прямоугольник из камней и глины, в котором не потрудились даже проделать окна.

– Пока не подойдет твоя очередь, можешь пожить там, в трактире, если, конечно, у тебя есть деньги. Если нет, устройшься в этой рожице. Но от южной стены, если рассчитываешь на защиту Делизии, не удаляйся. Караульные охраняют только эту территорию. Нас осталось слишком мало. – Он повернулся, чтобы уйти.

– Постой! – окликнула его женщина.

Солдат даже не остановился, только повторил на ходу:

– Возьми у Брил жетон.

Эйрис направилась к лагерю. По пути она почти никого не встретила: большинство людей скорее всего отдыхало – наступило время Легкого сна. Многочисленные лавки, теснившиеся на центральной площади, в основном представляли собой навесы из вылинявших покрывал, кое-как натянутых на связанные между собой покрасневшие от солнца жерди. Под одним из покосившихся навесов двое мужчин играли в кости. Из глиняной хижины доносился высокий хриплый женский голос. Неожиданно песня оборвалась. В хижине не оказалось двери, и Эйрис ничего не удалось рассмотреть.

Мрачный солдат, выглядевший почище, чем первый, пристально разглядывал вновь прибывшую. Может быть, думал, что она собирается стянуть один из навесов. Обрадованная тем, что даже в этом забытом богом уголке кто-то продолжает считать воровство преступлением, Эйрис подошла к солдату. В отличие от первого, он не носил знака различия, без которого левое плечо солдата казалось голым. Его волосы были даже светлее, чем волосы делизийцев.

Одна прядь, того же песочного цвета, что и щетина на подбородке, упала ему на щеку. Светлоголубые глаза на загорелом лице поблескивали, словно прозрачные льдинки.

– Где мне найти Брил?

Солдат еще пристальнее взглянул на нее и резко спросил:

– Зачем?

– Мне нужен жетон. И ночлег.

– Ты собираешься стать проституткой?

Эйрис передернуло от отвращения. Солдат смягчился:

– Если нет, то тебе вряд ли захочется там ночевать.

– Мне сказали, что это трактир.

– Так он и называется. Рядом есть другой, где женщина может выбрать себе соседа по вкусу. Вон то здание в конце улицы.

– Спасибо.

– Кто посоветовал тебе остановиться у Брил?

– Другой солдат.

Он поджал губы. Тут уж Эйрис ни к чему была эмблема, чтобы узнать его ранг. Конечно, он привык приказывать, а не подчиняться.

– Проституция – удел джелиек. Оставь его им.

– Солдат сказал, что мне нужно взять у Брил жетон.

– Да. Чтобы пройти испытание.

– А что, все люди, которые здесь находятся, хотят пройти испытание?

– Нет. Впрочем, большинство из них затем и пришли, но потом передумали. Некоторые торгуют – в основном зерном, которое привозят из поселка неподалеку. Некоторые притопали из праздного любопытства. Других отвергла Стена. От этих лучше держаться подальше; они крайне озлоблены.

Эйрис вспомнился угрюмый голос делизийца: «Пытаешься доказать, что Стена тебя не кастрировала?»

Она выпятила челюсть и сжала кулак так, что ногти впились в ладонь. Солдат внимательно следил за ней, потом спросил:

– Кем ты работала?

Эйрис отметила, что он употребил прошедшее время.

– Стеклодувом.

Он уважительно кивнул: стеклодувов в Делизии ценили. Солдат с любопытством разглядывал Эйрис, но больше вопросов не задавал. От этой деликатности слезы навернулись у нее на глаза. Вежливость – как она могла забыть все за какой-то цикл! «Дурочка», – упрекнула она себя. Усталость, испуг, голод – все, что отошло на второй план, пока ее мысли были заняты Стеной, навалилось с новой силой.

Солдат коснулся ее руки:

– Посиди. Я возьму у Брил жетон для тебя. Стеклодувы не должны общаться с такими, как она. Отдохни здесь, в тени.

Эйрис села, уронив голову от внезапного приступа дурноты.

Солдат подошел к глиняной хижине и постучал в стену у проема. Схватив за руку появившуюся женщину, он выволок ее на улицу. Грязная толстуха с ярко накрашенными веками беспомощно шурилась от яркого дневного света. Солдат и женщина тихо, но ожесточенно заговорили о чем-то. Эйрис успела заметить, как, переходя из рук в руки, блеснула монета, и вот солдат уже направился к ней, сжимая плоский камень, на котором синей краской был выведен номер: 206.

– Сколько я тебе должна?

Слезы Эйрис успели высохнуть. Она давно поняла, что в этом жестоком мире слезами горю не поможешь.

– Шесть харбинов.

Эйрис отдала деньги. Солдат нахмурился; ей показалось, он предпочел бы, чтобы у нее не было денег. Но монеты взял.

– Оставайся с южной стороны Стены. Наши караулы расставлены только здесь. Стена забрала уже много солдат, нас становится все меньше. В трактире или на базаре ты будешь в безопасности. Не высовывайся в вельд. Солдат, похоже, проникся к ней сочувствием, но глаза его по-прежнему оставались пустыми. – Всего хорошего, стеклодув.

– И тебе.

«Трактиром» называлось большое помещение, разделенное в глубине на маленькие закутки-«комнаты», в остальной части люди спали на полу вповалку. Тяжелое впечатление от тесноты усугублял спертый раскаленный воздух. За несколько монет трактирщик позволил Эйрис расстелить свой бурнус в одном из закутков, к которому ей пришлось пробираться, перешагивая через едва различимые в полумраке тела спящих. Несмотря на усталость, Эйрис не могла заснуть и долго лежала с открытыми глазами. Рядом кто-то громко храпел. В первый раз после изгнания из Делизии она чувствовала себя в безопасности и старалась не думать ни о прошлом, ни о будущем.

Наступил Последний свет, и жизнь в поселке закипела. Охотники предлагали дичь, добытую в вельде, свежую рыбу, пойманную в одной из проток неподалеку. Женщины продавали пшеничные лепешки, испеченные здесь же, на камнях, дахофрукты, собранные у подножия холма. В лачуге Брил дымился каф. Запахло едой и сточными водами, воздух огласили крики ссорящихся из-за дичи, наступили часы злобы и суматохи Последнего света перед наступлением тридцати шести часов холода и мрака.

Проснувшись, Эйрис почувствовала волчий голод. Она купила миску тушеного мяса, оказавшегося, как ни странно, очень вкусным. Женщина с простым, открытым лицом, которая варила в котле это мясо, улыбнулась в ответ на ее похвалу. Неожиданно для себя Эйрис спросила:

– Что делают здесь все эти люди? Зачем вы пришли к Стене?

Кухарка фыркнула:

– Тебе-то что?

– Я не хотела вас обидеть.

Кухарка посмотрела на нее и пожала плечами.

– Я пришла вместе с ним. – Она указала черпаком на одного из группы мужчин, которые неотрывно таращились на стены Эр-Фроу, изредка тихо перебрасываясь словами.

– А зачем пришел он?

– За драгоценностями, конечно. Где же еще можно получить такие сокровища даром? А теперь, – лицо женщины исказилось от негодования, – не хочет возвращаться в город. Как и вся эта шайка. Все сидит и смотрит, совсем потерял волю и мужество. Теперь он не нужен ни мне, ни любой другой женщине. Но я осталась здесь.

– Ты можешь вернуться домой.

– В этом лагере не так уж плохо. Ни сборщиков податей, ни Совета. Полно свободного места.

– Ты сама можешь уйти за Стену.

– Нет! Даже за котелок алмазов. Города, которые разговаривают, не для меня.

– А для кого же? – заинтересовалась Эйрис. – Как ты думаешь, кто построил...

– Тише! Открывается!

Лагерь замер. Люди столпились у Стены. Почти весь поселок выбрался из лачуг и напряженно следил за происходящим.

В тишине раздался голос Стены:

– Это город Эр-Фроу. Вы хотите войти. За один раз через эти ворота может пройти только один человек. Он подвергнется испытанию. Если он пройдет его успешно, то сможет войти в Эр-Фроу. Тот, кто войдет в Эр-Фроу, останется тут на год. Ни один вошедший не выйдет раньше чем через год. В Эр-Фроу вам дадут драгоценности, новое оружие и научат новому. Это город Эр-Фроу.

В жаркий солнечный день Эйрис почувствовала озноб. Ни один вошедший не выйдет раньше чем через год.

Стена повторила сообщение. Как только она замолчала, ворота, обведенные черной рамкой, растаяли. Именно растаяли – точнее не скажешь. Эйрис все же успела разглядеть короткий коридор, который уходил прямо, потом направо, внутрь гладкой белой стены.

– Сто сороковой, – выкрикнула Брил, поднимая над головой камень с номером. – Сто сороковой жетон.

На площадку, отделявшую толпу от Стены, вышел мужчина – попутчик кухарки. Эйрис услышала, как та затаила дыхание. Человек схватил заплечный мешок и сделал несколько шагов к Стене. Толпа замерла, не сводя с него глаз. Лица выражали разнообразные чувства: алчность и испуг, сочувствие и зависть, расчет и презрение. Стена в третий раз повторила все сначала.

– Ну, давай! – подзадорил кто-то.

На полпути к воротам человек не выдержал, повернулся и побежал назад, к лагерю, странной, подпрыгивающей рысцой. Страх на его физиономии мгновенно сменился отчаянием.

Кухарка обрушила на него лавину проклятий. Лагерь загалдел и пришел в движение. Брил коротко хихикнула. Человек рухнул на место, где он сидел раньше, и спрятал лицо в ладони.

Эйрис рассматривала Стену. Ворота – она могла в этом поклясться – не закрывались и тем не менее, они оказались закрытыми. Серые ворота возникли так же неожиданно, как и исчезли. Волна восхищения затопила Эйрис, она повернулась к кухарке.

– Как закрылись ворота? Как...

Но та, поглощенная собственной неудачей, только отмахнулась.

Эйрис еще крепче сжала в руке камень, служивший пропуском, острые края больно врезались в ладонь, и это привело ее в чувство.

Духи с Острова Мертвых? Нет. Но кто же?

– Сколько людей уже ушло за стену? – спросила она, но кухарка сердито мешала варево и даже не взглянула в ее сторону.

5

В течение Последнего света ворота открывались еще девять раз. Эйрис внимательно наблюдала за происходящим. Четырежды выкрикивали номер, но из толпы никто не выходил. Три делизийца вошли в город и через час вернулись обратно: двое – с драгоценными камнями, по стоимости равными дому в лучшем квартале Делизии; один – трясущийся и с пустыми руками. Два охотника не вернулись вовсе. Один из них – тот самый светловолосый солдат, который купил ей жетон.

Эйрис расспросила всех, кто согласился отвечать, и узнала, что Стена начала открываться и говорить всего три десятицикла назад, хотя поселок возле нее существовал уже давно, а Стена и того дольше; Стену нельзя ни поджечь, ни поцарапать, ни протравить кислотой – все это уже безуспешно пытались проделать. Она узнала также, что несколько делизийцев, совершив по нескольку путешествий за Стену, нажили целые состояния; что же касается джелийцев, то некоторые получали драгоценности подороже, другие вместо камней – новое оружие, необычайной быстроты и мощи, а третьи возвращались ни с чем. Что «испытания» как такового не существует, точнее, оно смахивает на испытание для дураков, а тех, кто не вернулся, сожрали чудовища, прячущиеся за Стеной, и что существует некий магический мост между Эр-Фроу и Островом Мертвых.

Постепенно у Эйрис сложилось впечатление, что за Стеной остались лучшие из делизийцев, те, кто не поддался ни панике, ни алчности. С какой целью их забрали? Но потом ей рассказали о нескольких ушедших глупцах, которые тем не менее остались там, и о других, храбрых и достойных людях, которых город почему-то отверг. Во всем этом она не видела логики.

– Я куплю твой жетон, – обратился к ней какой-то старик.

Сгорбленный, неопрятный, глядел он на Эйрис потухшими глазами, в которых застыло отчаяние. Его очередь выкрикивали, но он не пошел.

– Нет.

– Десять харбинов.

– Нет.

– Двадцать.

– Нет.

Старик долго смотрел на нее тяжелым взглядом, потом заплакал.

Он плакал беззвучно, не вздрагивая и не шевелясь. Слезы прокладывали грязные дорожки на его запыленном лице. Эйрис отвернулась. Вместе с жалостью она почувствовала презрение – сама она не плакала даже из-за Эмбри.

Эмбри... Эйрис отвернулась и поспешила уйти. Она пересекла базар, направляясь к Стене. Только оказавшись напротив ворот, она поняла, что старик тащится за ней. Испуг заставил ее прибавить шагу. Она снова очутилась на базаре как раз в тот момент, когда ворота исчезли.

– Это город Эр-Фроу. Вы хотите войти. За один раз через эти ворота может пройти только один человек. Он подвергнется испытанию. Если он пройдет его успешно, сможет войти в Эр-Фроу. Тот, кто войдет в Эр-Фроу, останется тут на год. Ни один вошедший, не выйдет раньше чем через год. В Эр-Фроу вам дадут драгоценности, новое оружие и новые знания. Это город Эр-Фроу.

– Двести шесть, – пронзительно выкрикнула Брил и подняла над головой камень.

– Пожалуйста, – умолял старик. – Продай мне жетон, прошу тебя.

Эйрис кинулась в трактир за своим мешком. Когда она выбежала, старик снова привязался. Эйрис слышала за спиной его сиплое дыхание.

– Умоляю, мастерица, продай мне свой жетон. Тридцать харбинов! Сорок!

Молчание Эйрис вывело его из себя, и медовый голос превратился в злобное шипение:

– Ты не знаешь, чем рискуешь. Тебе никогда не выбраться оттуда живой. Никогда! Никогда! Они поджарят тебя на вертеле, они выпьют твою кровь, как жрецы-легионеры, они изнасилуют тебя, безмозглая потаскушка! Тебе никогда не выйти оттуда. Ты не знаешь, на что идешь!

Эйрис резко остановилась и свободной рукой с силой оттолкнула старика. Он упал, его избородженное морщинами лицо удивленно вытянулось.

– Я ничем не рискую, – холодно произнесла Эйрис. – Мне нечем рисковать.

Какая-то женщина пронзительно взвизгнула.

Старик, недоуменно моргая, лежал на земле. Неожиданно он бешено взвыл, вскочил и бросился вдогонку за Эйрис, но она уже стояла перед Стеной. Старик, не решаясь следовать дальше, прекратил погоню, подобрал камень и швырнул в беглянку. Камень попал Эйрис в висок, она пошатнулась.

– Это город Эр-Фроу...

Кто-то бросил еще один камень, в толпе возмущенно закричали. На секунду Эйрис ослепла – то ли от удара, то ли от гнева, то ли от мрака надвигающейся Первоночи. Впереди показались ворота.

За спиной она услышала шум завязавшейся драки. Ворота слабо замерцали, будто собираясь закрыться. Эйрис закусила губу; боль помогла ее мыслям проясниться.

Ни один вошедший не выйдет раньше чем через год... Эмбри... поджарят тебя на вертеле...

Эйрис ступила в проем.

Несколько шагов – и вот она уже у поворота направо. Еще один коридор, еще один поворот направо. Эйрис обернулась. Стена оборвала сообщение на полуслове в тот момент, когда человек ступил внутрь. Ворота бесшумно закрылись. Но откуда здесь свет? Эйрис не заметила ни лампы, ни огня, и все же коридоры мерцали тусклым ровным светом, лившимся отовсюду и ниоткуда.

Она неожиданно задрожала, ее охватил страх, совсем не похожий на тот, который опальная беглянка испытывала в лагере. Там источником страха была опасность.

Второй поворот привел ее к небольшой комнате со стенами из того же серого металла. Эйрис вошла, и стена за ней сомкнулась. Сердце испуганно сжалось. Эйрис огляделась. Единственным предметом в комнате была полка на противоположной стене. Ни шва, ни крепления, с помощью которого ее подвесили. На полке мерцал камень.

Эйрис взяла камень. Это оказался редкий, безупречно ограненный кригас, мечта каждого ювелира. Грани вспыхивали необычайными оттенками голубого и фиолетового. Овальный камень приятно охлаждал ладонь. В Делизии на нем можно было сколотить небольшое состояние.

Хватит ли его, чтобы подкупить Совет?

Эйрис инстинктивно сжала кулак, нет, кригас слишком мал, а Совет чересчур велик. И все же ей захотелось бежать – прочь из этой комнаты, к воротам, к Эмбри... Но она не побежала, а снова огляделась и заметила в стене над полкой два углубления. Одно из них, овальное, по размеру совпадало с кригасом.

Эйрис приложила камень к стене – его безупречные грани точно легли в выемку. После секундного колебания она еще плотнее прижала камень к стене. Выемка раскрылась, камень провалился внутрь, а стена вновь стала безупречно гладкой.

Беглянка ощупала стену. Ни щели, ни углубления. Казалось, углубление ей привиделось. Как и снаружи, к стене было невозможно прикоснуться, этому мешал прозрачный, странно вибрирующий слой воздуха. Эйрис надавила пальцем на другое углубление – оно не поддавалось, отошла на шаг, еще раз внимательно оглядела стены, но не заметила ничего нового.

Тянулись минуты. В комнате стояла непроницаемая тишина и ничего не происходило. Наконец недоумевающая Эйрис опустилась на пол.

Это и есть испытание? Выдержала она или провалилась? Должно быть, те, кто забрал драгоценности и вернулись в лагерь, не прошли его, иначе они остались бы за Стеной. А она? Прошла или нет?

Ей захотелось вернуть кригас. Он не мог спасти ее от изгнания, но богатство, богатство... как же она просчиталась! Кригас, гладкий и прохладный, как ее двойная спираль, синие и красные осколки, мерцающие в лунном свете.

– Еще раз, – тихо пророкотала Стена.

Эйрис вскочила. На полке теперь лежал квадратный огневик, красный, как кровь, с желтыми и золотистыми искрами, притаившимися в глубине. Его пылающие грани точно соответствовали квадратному углублению в стене.

Испытуемой дали второй шанс, снова предоставили выбор: оставить камень себе или вложить его в отверстие, потерять, но, возможно, попасть в Эр-Фроу? Чего ей хотелось больше?

Видимо, некоторые не собирались оставаться. Входили, хватали первый камень и спокойно ждали, пока Стена выпустит их на свободу. Интересно, знали об этом хозяева Эр-Фроу? Наверное, знали. Откуда в Эр-Фроу столько камней? Богатая, могущественная, таинственная Стена... И она дает ей, Эйрис, право выбора. Эйрис усмехнулась, решив выбрать то, в чем ей отказал Совет города, и вложила огневик во второе углубление. Камень провалился, углубление затянулось, полка бесшумно втянулась в стену, и все исчезло, как будто невидимая рука разгладила серебристую ткань. Вдруг позади Эйрис раздался шум. Она резко обернулась.

В противоположной стене у самого пола открылась щель, из нее покатались какие-то предметы. Эйрис вскрикнула и отшатнулась, но щель почти сразу закрылась, а предметы остановились. Сердце Эйрис колотилось. Наконец она решилась, опустилась на колени и принялась разглядывать, то, что извергла Стена.

Первым был нож, изготовленный из того же металла, что и Стена. Впрочем, не совсем из того же. Приглядевшись повнимательнее, Эйрис поняла, что поверхность не защищена прозрачным вибрирующим слоем, и можно дотронуться до самого лезвия. Оно оказалось холодным, гладким, и заточенным до пугающей остроты.

Вам дадут оружие...

Дальше лежали два продолговатых цилиндрика из темного, почти черного металла и десять-двенадцать других, сделанных из разных материалов. Эйрис озадаченно осмотрела цилиндрики: деревянный, каменный, один из какого-то вещества, напоминающего мел – на пальцах, осталась белая пыль. Стекланный цилиндр Эйрис разглядывала особенно пристально, поражаясь прозрачности стекла и точности обработки, достигнутой неизвестным мастером. Ни одна известная Эйрис технология изготовления не позволяла добиться такой безупречной точности. Следующий цилиндр был сделан из какой-то гладкой, молочно-белой субстанции, Эйрис никогда не встречала ничего подобного. Остальные семь – из различных металлов, некоторые из которых, как ей показалось, в Делизии не знали.

Что делать с этими цилиндрами? Или лучше просто сесть и ждать, пока стена не выпустит ее отсюда...

Эйрис слабо застонала. Нет, если она просто сядет и будет ждать, придется вернуться в лагерь, к Брилу, к тому старику, что бросил в нее камень, и еще ко многому другому. Монет, которые ей удалось захватить из Делизии, надолго не хватит. И что тогда? Даже если ей удастся построить печь для обжига и обзавестись всем необходимым, никому на этих задворках не нужно стекло. Что же остается? Стать кухаркой или нищенкой, превратиться в проститутку, влача день за днем бессмысленное существование, тщетно надеясь получить от Стены драгоценности, которые она не сможет продать? Возвращение в Делизию ей заказано.

Она по очереди поскребла ножом каждый цилиндр. Деревянный и известковый поддались резьбе. На каменном и металлических остались царапины. С другими ничего не удалось сделать. Она играла с ними, как ребенок, как Эмбри, которая, присев на корточки во дворе стеклодувной мастерской, бесцельно перекладывала с места на место комки глины и щепочки.

Эмбри...

Эйрис прикоснулась щекой к стеклянному цилиндрику – нежно-голубому, как шерсть лины, только что вынутая из красильного чана. Эйрис однажды сшила для дочери, когда та начала превращаться из ребенка в девушку-подростка, такую тунику. Цвет безопасности... Матери хотелось верить, что эта красота сбережет ее дочку...

Цвет.

Женщина взглянула на рассыпанные по полу цилиндры. Оказывается, все они разного цвета, за исключением двух темных, сделанных из одного материала. Эти два цилиндрика раскатились в разные углы крохотной комнатки. Эйрис подобрала их и принялась рассматривать. Цилиндрики отталкивали друг друга. Она испуганно отшвырнула их прочь. Странно, они не пытались вырваться, когда она только что скребла их ножом. Любопытство заставило Эйрис снова протянуть к ним руку.

К одному из темных цилиндриков прилип еще один, металлический. Когда Эйрис взяла первый, другой тоже начал приподниматься, потом упал и покатился по полу. Она подняла металлический цилиндр и поднесла к темному – они льнули друг к другу, как влюбленные. Эйрис снова испугалась. По спине пробежал холодок. Темный цилиндр стремился к блестящему и избегал своего брата. Неужели он живой? А стены, которые дрожали, росли и сами по себе открывались и закрывались, подобно огромному кембури? Что это такое? Живая, лишенная разума пасть, поглотившая ее целиком...

На мгновение Эйрис потеряла самообладание; ее мятущийся, стонущий разум отказывался воспринимать окружающее. Мир начал меркнуть, погружаться в трясину, не оставляя опоры. Потом на помощь Эйрис пришла логика. Цилиндр не живой. Это металл. Странный и загадочный, но все же металл. В этой комнате живое только ее сердце, бешено колотящееся в груди, только ее мозг. Мастерам-плавильщикам известны разные руды, но, может быть, не все.

Эйрис опять подняла два темных цилиндра. На этот раз они тоже потянулись друг к другу. Повертев их в руках, Эйрис выяснила, что разные торцы цилиндриков могут либо притягиваться, либо отталкиваться. Она принялась подносить темные цилиндрики к остальным. Шесть Металлических прилипали к обоим темным. Один, тот, что был из неизвестного легкого металла, на близость темных никак не реагировал. Деревянный, каменный, стеклянный и сделанный из странного молочно-белого вещества – тоже. Загадочное явление увлекло Эйрис. Один из металлических цилиндров, сначала прилипший к темному, после того, как Эйрис потеряла их друг о друга и перевернула, вдруг начал рваться прочь. Она проверила и поразилась: он стал вести себя в точности, как другой притягивающий цилиндр. Эйрис уронила его на пол, подняла... Металлический цилиндр, как она его ни поворачивала, от темного больше не убегал. Почему?

В воздухе появился слабый аромат. Эйрис принялась, но понять, чем пахнет, не успела. Цилиндрики выскользнули из рук, тело пленницы начало сползать по стене, дыхание замедлилось. Пол наклонился, и цилиндрики устремились по скату в снова открывшуюся щель. Пол начал подниматься, плавно увлекая за собой Эйрис. Серебристый нож и мешок остались лежать рядом.

Потолок как будто растворился, и платформа понесла ее вверх, а затем в сторону. По пути спящая подверглась тщательному обеззараживанию, которое, будь она в сознании, вогнало бы ее в краску, хотя делизйцы не слишком заботились о соблюдении норм морали. Прошло немало времени, прежде чем платформа доставила сморенную внезапным сном Эйрис в крохотный прямоугольный отсек в восточной стене. Затем платформа-транспортёр двинулась

назад, отсек загерметизировался. Дыхание женщины еще больше замедлилось, и она погрузилась в стазис.

6

– Пятьсот пятьдесят четыре, – доложил Энциклопедист.

Три геды у экрана не отреагировали. В центре комнатухи, куда можно было попасть только через центральные ворота, высилась огромная фигура. Ни «джелийцы», ни «делизийцы» никогда не входили через эти ворота. Человек был в полтора раза выше, чем остальные представители его расы и вдвое выше любого гед; ему пришлось пригнуться. Из-за своей абсолютно бесцветной кожи, на которой даже палящему солнцу Кома не удалось оставить своего следа, он казался смертельно бледным; белые, словно покрытые инеем, волосы, заплетенные в десять одинаковых косиц, ниспадали на широкие плечи. В белоснежной одежде без всяких украшений, с глазами, лишенными обычного для людей темного пигмента, и которые благодаря тончайшим кровяным сосудам отливали розовым, он добрался до Стены в темноте и до сих пор не издал ни звука.

– Родственный вид? – поинтересовался гед, используя конструкцию сомнительного утверждения. Никто из них прежде не встречал подобных особей.

– Возможно. Гармония поет с нами.

– Гармония поет с нами.

– И пусть это длится вечно.

– Это продлится вечно.

Геды встали рядом, опустив руки друг другу на плечи, на спины, на ноги. К их феромонам примешивался элемент нерешительности.

Белый гигант прижал огневик к квадратной выемке. По полу покатались цилиндрики.

– Стоит принять его, или отправить прямо в Биолaborаторию? Я не уверен.

– Гармония поет с нами, – пробормотали двое других.

Энциклопедист мягко зажужжал:

– Примем его в Эр-Фроу, хотя этот экземпляр, похоже, труден для лингвистического анализа. Общение только на примитивном уровне. Влияние на Ключевой парадокс непредсказуемо.

Ответ никого не удивил; каждый уже пришел к такому же решению. Энциклопедиста геды создали по своему образу и подобию.

Огромный альбинос не обратил внимания на цилиндрики, но поднял нож. Провел пальцем по лезвию. Капля крови на его обесцвеченной коже выглядела неестественно.

Геды бесстрастно наблюдали за его поведением.

7

Едва открыв глаза, Джехан тотчас схватилась за пояс. Чудесный клинок чужаков был при ней. Здесь же оказалось ее собственное оружие – нож и маленькая черная дубинка. Может, и не следовало брать дубинку, вряд ли она могла на что-нибудь сгодиться – слишком короткая, да и захват неудобный. Наверное, мастера-воины Эр-Фроу очень малы, если пользуются такими дубинками. Но нож-то обычного размера, так что предположение, что все оружейники – коротышки, – просто глупость. До чего же глупый тест – любой дурак без труда выберет лучшее оружие из того жалкого набора, который ей предложили. Эти мысли, ощущения, воспомина- ния вихрем пронесли у нее в голове. Окончательно проснувшись, девушка открыла глаза.

Она лежала в узкой камере, открытой с одного конца. Выглянув наружу, Джехан скользнула в отверстие и легко приземлилась на свои длинные ноги, тут же приняв боевую стойку. Даже при таком скудном освещении ей удалось разглядеть, что все, кто появлялся из других люков, – джелейцы. Но не все были легионерами.

Как же так? Мастера-воины никогда не связывались с горожанами, тем более что некото- рые из них недостойны даже защиты. Она заметила гончара судя по тунике, он не принадлежал ни к одному из легионов, был здесь узкоплечий мальчишка с тощими голеньями и... проститутка! В Городе за Серой Стеной – проститутка! Невероятно! Если, конечно, они за Стеной.

Джехан почувствовала приступ страха. Единственное, чего она боялась провалиться, не выполнить свою задачу, оказаться недостойной Маяка. Неужели Стена ее не приняла? Но стены комнаты походили на наружную. Пустая камера без окон. А джелейцы, которые спус- кались с полок, – они что, спали? Почему? Но все-таки по крайней мере половина из них – легионеры. Конечно, они находятся за Стеной.

– Джелейцы, – проскрежетало сзади.

Джехан обернулась. Говорила немолодая сестра-легионер – ее волосы уже тронула седина, лицо было опалено солнцем, на плече вышиты три солнца.

– Так точно, командующая, – Джехан вскинула в приветствии кулак.

– Но не все, – добавила воительница и вперила взгляд в проститутку, которая тотчас же опустила голову и, в соответствии с традициями, не смела поднять глаз. Командующая рассе- янно отвернулась. Джехан последовала ее примеру – если подумать, то проститутки необхо- димы, ведь здесь и братья-легионеры. Краем глаза она, однако, успела заметить движение про- ститутки. Как только командующая отвернулась, девица подняла голову, посмотрела на серые стены и снова уставилась на сестру-легионера. Взгляд ее глубоко посаженных темных глаза, все еще ярко подкрашенных, казался испуганным и в то же время вызывающим. Вне всяких сомнений, она намеренно нанесла оскорбление. Взбешенная Джехан схватилась за нож и шаг- нула вперед.

Старшая жестом остановила ее. Опытным движением командующая мгновенно выхва- тила свой кинжал, и Джехан стала озираясь, пытаясь понять, в чем дело. У противоположной стены, на платформе, которой еще минуту назад не было, стояли три неподвижные фигуры, освещенные оранжевым светом, который лился неизвестно откуда.

Воины привычно заняли оборонительную позицию. Им даже не пришлось приказывать. Джехан встала там, где ей полагалось по рангу – в редкой цепочке, прикрывающей левый фланг. Весь боевой порядок возглавляла седовласая командующая. Имея самый высокий ранг, она автоматически становилась главнокомандующей. Воительница возвышалась над толпой граж- данских – она была почти одного роста с двумя братьями-легионерами, стоявшими рядом с нею, – а над этой тройкой нависла платформа с тремя неподвижными фигурами.

Фигуры казались металлическими. Или нет, не металлическими – просто они были одеты в какую-то легкую металлическую броню, которая покрывала их от шеи до пят и слегка поблес-

кивала. Такое же мерцание окружало их головы. Маленькие, слишком малорослые для воинов, лысые, с безобразными плоскими серыми лицами, с... тремя глазами. Все детские сказки об Острове Мертвых мгновенно всплыли в памяти Джехан. Один горожанин завопил от страха, Джехан пришла в себя и мигом наставила на него нож. Командующая жестом велела Соблюдать тишину. Горожанин встретился взглядом с Джехан, опустил глаза и закусил губу.

– Мы – геды, – произнес стоявший слева. – Мы построили Эр-Фроу. – Гед сделал паузу, словно чего-то ожидая.

«Оценивает нас, – подумала Джехан, – прикидывает, насколько мы сильны. Так же поступил бы и мастер-воин. Это чудище, кажется, сильно, несмотря на свой малый рост: широкая грудь, крепкие ноги». Он говорил голосом Стены, низким и рокочущим, на его жутком лице не было ни тени страха перед превосходящими силами противника. Похоже, они опытные воины.

– Вы решили остаться в Эр-Фроу, – продолжала фигура. – Вы предпочли драгоценным камням то, что может дать вам Эр-Фроу. Вы пришли учиться, чтобы добыть богатство и оружие. Вы получите их. Эр-Фроу – наш город, город гедов. Пока вы здесь, вы будете делать то, что скажем мы.

Джехан напряженно слушала. Клятва чести? Чудовище хочет встать с джелийцами на один клинок чести? Им обещают дать новое оружие, а взамен просят подчиняться законам гедов в течение года. Суровое требование. Превосходный нож и эта дубинка, пусть даже замечательно отцентрированная, едва ли стоят свободы. Если только... Если только гед не подразумевает, что позже им дадут другое, лучшее оружие. Но это начинало пахнуть сделкой, а не возвратом свободно данной силы... С другой стороны, если это оружие действительно непревзойденное, то разумнее выдавать его и обучать им пользоваться постепенно, как поступали мастера-воины, когда тело ученику становилось достаточно натренированным. Лишь тогда новое оружие в его руках смогло стать воистину смертоносным... Джехан раздраженно нахмурилась. Она находится за Стеной меньше часа, а уже начались эти бессмысленные препирательства! Но слава Богу, пререкаться с чужаками – не ее забота. Для этого есть главнокомандующая. Джехан глядела на прямую спину старой сестры-легионера и гадала, что же та предпримет.

– Вы будете жить в Эр-Фроу, как пожелаете, – снова заговорил гед, по своим обычаям и правилам. – Джехан не сразу сообразила, что чужак говорил о законах. – Но есть два условия, которые вы обязаны выполнять. Одно – все люди обязаны ежедневно проводить по шесть часов в Доме Обучения, где геды будут вас учить. Второе – никто из вас не должен убивать или калечить другого. Все должны жить, чтобы учиться, учиться и еще раз учиться.

Горожане зашептались. Джехан напряглась. «Все люди обязаны проводить по шесть часов в Доме Обучения» – похоже, геды собираются тренировать не только легионеров? Это предательство, нет, это просто глупость! Легионеры – это легионеры, а горожане с дряблыми мышцами, пусть и полезны иногда, но быть легионерами не способны. А запрет на убийство? Означает ли он и запрет на наказание провинившихся? Ни один мастер-воин не согласится на такое!

Проститутка взглянула на нее. В ответ глаза Джехан угрожающе вспыхнули. Наглая девчонка напомнила ей делизийскую мокрицу, которую ей пришлось тащить за собой через вельд. Но поведение проститутки куда хуже своим взглядом она нанесла Джехан глубочайшее оскорбление. Делизийка была чужой, да к тому же и сумасшедшей, а эта – джелийка и знает, что к чему. Джехан снова схватилась за нож. Проститутка отвела глаза и вдруг пропала в толпе. Но Джехан отыскала взглядом нахалку и даже удивилась: оказывается, та стояла на большом узле, теперь же, оказавшись на полу, едва доставала до плеча Джехан. Но ее фигура уже отнюдь не фигура ребенка.

Под сверлящим взглядом Джехан проститутка опустила голову. «Ничего хорошего, – подумала Джехан, – совершенно ничего хорошего».

После очередной паузы гед заговорил снова:

– Мы многому можем научить людей Кома, но вы должны принять эти условия. Каждый из вас, пройдя через ворота Эр-Фроу, таким образом выразил свое согласие подчиняться нашим требованиям.

Ярость охватила Джахан. Требовать клятвы чести! И от кого – от горожан, от проституток!

– Я буду говорить от имени Джелы, – громко произнесла командующая.

Она вскочила на платформу и с достоинством вложила нож в ножны. Джахан наблюдала за ней с восхищением. Даже стоя так близко к чудовищам, командующая не проявляла страха. Геды же были настолько глупы, что не отпрянули, а спокойно стояли рядом с ней. Они внимательно смотрели на командующую, наконец один из них почти не отличимый от остальных, спросил:

– Ты утверждаешь, что живешь в гармонии с этими людьми?

Смертельное оскорбление – сомневаться во власти высшего командующего. Джахан почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Потребуется ли командующая извинений? Она ничем не показала, что оскорблена, но Джахан знала, что это так. Хотя командующая ушла за Стену раньше, чем Джахан появилась в лагере, девушка слышала, как та обошлась с поваром, который вообразил, что, раз он не в Джеле, то может забыть о джелийской дисциплине. Он посмел коснуться груди сестры-легионера, и вскоре его тело оттащили за лагерь, в канаву поджидать кридогов.

– Я буду говорить от имени Джелы, – холодно повторила командующая.

Геды переглянулись. Оранжевый свет отразился от их стеклянных шлемов. Что за глупость – делать шлемы из стекла? Такой одним ударом разнесет вдребезги.

Теперь заговорил третий – непонятно даже, кто у них главный. Глупо!

– Твоя речь принята. Ты...

– Нет, я еще, не сказала, – перебила его главнокомандующая, не заботясь о том, каким тоном говорит с чужаками. Она торжественно вынула нож. – «Мы стоим на одном клинке, связанные честью самой жизни. Что свободно дано, пусть свободно вернется. Только ребенок имеет право принять силу другого и не быть обязанным. Если же кто-то другой не вернет свой долг, да исчахнут его силы и да превратится он в калеку. Никто не имеет права свободно продать свою силу, если не расходует свою жизнь на служение плоти. Что свободно дано, пусть вернется свободно.»

– Гармония поет с нами.

– И пусть это длится вечно.

– Это продлится вечно.

О чем, черт возьми, говорят эти чужаки? Для Джахан их слова прозвучали бессмыслицей. Зато слова командующей совершенно ясны. Теперь легионеры стояли на одном клинке чести с гедами. Если командующая утверждает, что клятва, данная гедам, достойна легионера, то так оно и есть.

– Теперь вы войдете в Эр-Фроу, – заговорил один из гедов. – Внешний мир будет для вас закрыт. Эр-Фроу обеспечит вас всем необходимым. Сутки определены в соответствии с вашими физиологическими потребностями: день шестнадцать часов, ночь – восемь. В начале каждого сеанса обучения будет звучать гроф. – Неожиданно раздался ужасающий скрежет металла о камень, который также неожиданно оборвался. – Услышав его, вы как и люди из двух других порталов, должны собраться в Доме Обучения, который находится в центре Эр-Фроу. Теперь входите.

Джахан поняла, что вместе с джелийцами в Эр-Фроу будут жить делизийцы! Кошмар!

Но для ярости не было времени. Стена позади гедов исчезла, они удалились в образовавшийся проход, серый металл сомкнулся за их спинами и снова стал совершенно гладким. В

другой стене образовалась арка, сквозь которую виднелись деревья. На мгновение все застыли. Стены, которые сами открываются и закрываются, город, где предстоит прожить целый год, трехглазые чудовища... Командующая повернулась и сделала знак легионерам. Минута замешательства прошла.

Джехан охватило радостное возбуждение. У нее появится оружие, которое другим и не снилось! Клятва чести на год, и она вступит в легион сестер-легионеров, на который скоро будут равняться, как на Маяк! Ее сердце бешено колотилось.

В одном строю с легионерами Джелы она промаршировала под аркой и вступила в Эр-Фроу.

8

– Еще одно противоречие, – сообщил Энциклопедист.

Все восемнадцать гедов, занятых в проекте, как один повернулись к экрану.

– Солнечная сторона: наибольшее единение продемонстрировала подгруппа «джелийцы». Один человек находился в гармонии со всеми остальными, подобно гедам. В отличие от другой подгруппы они вошли в Эр-Фроу строем; без насилия и долгих препирательств распределили комнаты. Высокий уровень взаимопомощи. Темная сторона: вне стен Эр-Фроу подгруппа «джелийцы» получала наибольшую выгоду от насильственных действий.

Как это соотносится с Ключевым парадоксом – неизвестно.

Комнату заполнили феромоны замешательства. В этом не было логики, как, впрочем, и в поведении обеих групп, и в данных, собранных Энциклопедистом за год непрерывного наблюдения, и в поразительных результатах биологического обследования гиганта – человека-альбиноса, который все еще был в стазисе.

Геды сгрудились, поглаживая друг другу спины, ноги и шеи. Кто-то поставил регулятор температуры на три градуса ниже, и все запели в унисон. Полученные странные факты оправдывали этот холод. Было решено, что они имеют дело с иррациональным, нецивилизованным видом, мораль которого не укладывается в привычные рамки.

– Новости из Флота, – объявил кто-то, и все сгрудились еще теснее, испуская феромоны симпатии, чтобы заглушить феромоны отчаяния, пытаясь примириться с действительностью, которой не должно, не могло быть – и все же она была действительностью.

Несметное разнообразие форм, которые принимала жизнь, все разумные виды во всех населенных мирах, можно классифицировать по трем признакам. Существуют виды без математических способностей, но с широким набором разнообразных генов. Они быстро эволюционируют за счет выживания сильнейшего. У некоторых наблюдается внутривидовое насилие, у других нет, но они никогда не достигают высокого уровня технологии. Для гедов они оставались животными, полезными в той мере, в какой их можно было использовать.

Существуют виды с математическими способностями и тоже с широким разнообразием генов. Они быстро эволюционируют за счет выживания сильнейших, чему способствует обязательное внутривидовое насилие. Как правило, такие виды достигают атомных технологий, но геды даже не тратили времени на их изучение. Зачем? Прежде чем этим видам удавалось вырваться за пределы своей планетной системы, они взрывали свои планеты. Всегда.

Существуют виды с математическими способностями и небольшим разнообразием в генах. К ним относятся и сами геды. Они развиваются крайне медленно на старых планетах древнейших звезд. Развитие идет благодаря тысячелетнему накоплению небольших изменений в обществе, где никого не приносят в жертву другим. Внутривидовое насилие генетически невозможно. Поскольку только один путь к межзвездным путешествиям – при помощи математики, – разум представителей этой группы видов не сильно отличается от разума гедов. Тело развивалось в соответствии с потребностями мозга, и потому покорившие межзвездное пространство виды даже внешне не слишком отличаются друг от друга. Они – двоюродные братья по разуму.

Геды всегда пытались достигнуть согласия с такими видами, хотя временами, когда их территориальные претензии пересекались с притязаниями гедов, войны становились неизбежными. Геды всегда сожалели об этом, и их феромоны наполнялись плачем Единения по погибшим видам.

Но видов, которые совершали бы внутривидовое насилие и в то же время достигали бы других звезд, не было никогда. Пока не появились люди. Вырвавшись в космос благодаря технологии, которую не должны были иметь, жадные до новых территорий, они устроили во Все-

ленной хаос. Дерзкая юная раса, предпочитающая непривлекательные желтые звезды, дышащая кислородом, меняющаяся так быстро, что ее действия в бою невозможно предсказать, сражалась не только с Флотом, но и с собственными собратьями. Это поражало гедов больше всего – они сражались между собой, достигнув уровня межзвездной технологии. Они вообще не имели права на существование! Они должны были бы взорвать свою цивилизацию, а те, кто выжил, вернулись бы к варварству.

Иногда так и случалось, но тому, что произошло, не находилось объяснения. Ведь генетически это невозможно. И все же люди существуют, как существуют погибшие корабли людей и гедов – блестящие замороженные радиоактивные склепы, дрейфующие в пустоте. Склепы, которые тоже ничего не могли объяснить.

Новости из Флота пахли отчаянием: еще одно сражение с людьми проиграно. Их стратегия совершенно непредсказуема.

– Ключевой парадокс, – пророкотал Энциклопедист. – Солнечная сторона: люди используют насилие в отношениях друг с другом. Миновали низшую ступень эволюции. Внутривидовое насилие отрицательно влияет на вид в целом: оно истощает ресурсы и поглощает энергию. У видов с большим разнообразием генов оно ведет к уничтожению особей, наиболее способных к рождению новых идей, которые могли бы компенсировать недостаток единения внутри вида.

Темная сторона: люди достигли уровня технологии межзвездных полетов. Следовательно, они применяют математику и логику. Они выигрывают сражения. Они все еще существуют. И мы должны понять, почему. Мы должны разрешить Ключевой парадокс.

Тут Энциклопедист употребил редкую грамматическую конструкцию – она означала предварительное объяснение, которое подтверждалось фактами, но казалось логически абсурдным:

– У этого вида внутривидовое насилие и развитие межзвездной технологии взаимосвязаны со знаком плюс. Отсюда следуют уравнения... Как это происходит, неизвестно. Именно это мы должны выяснить.

Геды создали Энциклопедиста отчасти из органики, отчасти из всего остального; его мышление несло в себе черты мышления бесчисленных поколений гедов. Слегка помедлив, он проскрипел:

– Гармония поет с нами.

– Гармония поет с нами, – ответил за всех поэт Крак'гар.

– И пусть это длится вечно, – откликнулся Р'греф, едва достигший зрелости юнец, впервые участвующий в эксперименте вдали от родины.

– Это продлится вечно, – заключил Гракс. Он будет петь в гармонии с той женщиной, которая отвечала за всех «джелийцев». Он будет учить малышей так же, как поэт пишет стихи – по добровольному выбору, по велению сердца. Ведь это отвечает нуждам всех гедов. Он мог бы стать поэтом, но ему нравилось быть учителем. Это он с тревогой и надеждой проектировал и создавал Дом Обучения.

Экран на стене показывал десятки людей, входивших в ворота в Эр-Фроу. Геды понаблюдали за ними еще немного, а затем отключили изображение. Никто не мог сосредоточиться. В воздухе носились феромоны печали. Запах потери можно заглушить только Единением по погибшим в сражении. Все восемнадцать покидали комнату, поглаживая спины, ноги, руки, – геды шли совокупляться. Сейчас они сольются воедино в холодной комнате, феромоны жалости окутают их, и смешанное в сосуде семя будет не выпито, а сожжено.

– Гармония поет с нами.

– Гармония поет с нами.

– И пусть это длится вечно.

– Это продлится вечно.

В зале остался только Энциклопедист. Он слушал и наблюдал, пропускал через себя миллионы битов информации о городе людей, он искал ответ на все новые и новые вопросы.

– ... Внутривидовое насилие людей и создание межзвездных двигателей положительно взаимосвязаны ...

Как, почему – неизвестно. Но нужно обязательно дать ответ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТЕНЫ

*Имеешь тысячу друзей со всеми можешь ты расстаться,
Имеешь одного врага повсюду будешь с ним встречаться.
Али ибн-Аби-Талиб*

9

Они передвинули солнце!

Эйрис стояла в воротах, задрала голову. Мимо нее через арку шли делизийцы и глазели на незнакомый диковинный город. Они пихались, злились, кричали, а Эйрис все стояла и стояла, не замечая ничего вокруг, в смятении без конца повторяя: «Они передвинули солнца».

Когда она шагнула в распахнувшиеся ворота Стены, начиналась Первоночь. Женщина-стеклодув не знала, сколько времени проспала в том футляре, не помнила, как туда попала, но пока гед говорил с проснувшимися делизийцами, Эйрис успела заметить светлоглазого солдата, который купил ей жетон. Тогда на его подбородке торчала небольшая, однодневная щетина, сейчас она такая же, значит, все еще длится Первоночь, в крайнем случае Темный день. А небо над Эр-Фроу напоминало небо Третьедня, слишком пасмурное, чтобы разглядеть солнце, но это, без сомнения, день. В теплом воздухе чувствовалась нежность раннего Первотра.

Сутки смоделированы в соответствии с потребностями вашего тела шестнадцать часов света, потом восемь часов темноты – так сказали им геды. Трехглазые. И сдвинули солнце. Но ведь это невозможно! Вероятно, геды устроили это как-то по-другому. Но как? Как они создали новое небо? Можно сложить чудесные стены – но как изменить небо?

Вытянутая шея заныла, Эйрис опустила голову. Разные чувства постепенно сменяли друг друга: благоговение вытеснило страх, а его что-то сокровенное, едва ощутимое. Делизия отвергла ее, отняла у нее Эмбри, воспользовалась своей силой и разрушила ее жизнь. Но Эр-Фроу бесконечно превосходит Делизию, по сравнению с ним ее родной город напоминает навозную яму.

Эр-Фроу – это нечто совершенно невообразимое. Здесь нет беленых зданий с куполами, сверкающими под палящим солнцем, и высоких стройных минаретов, нет садов, базаров, огороженных стеклодувных, кожаных и точильных мастерских. На мгновение Эйрис показалось, что она снова очутилась в вельде – но в вельде прирученном, спланированном и со всех сторон огороженном стенами.

Эр-Фроу был уголком дикой природы. Серая Стена окружала могучие деревья и кустарники, растущие в беспорядке, тут и там высились скалы и протекали ручьи. Глядя на город от восточной стены, Эйрис увидела рощу старых деревьев. Между деревьями, которые росли почти вплотную друг к другу, зеленели заросли низкорослого кустарника, поляны с высокой, по пояс, травой. Однако не все здесь напоминало вельд. Эйрис заметила колючий кустарник, но не кембури, множество диких цветов, но не ядовитую спираль. Длинные стрелчатые листья деревьев доставали до земли, но не было и следа тех растений с мясистыми краями, вздымавшимися и опадавшими вокруг центрального зева. Справа журчал быстрый прохладный ручей, пожалуй, слишком быстрый для ручья, бегущего по поляне, и слишком чистый для глинистого русла.

Прошелестел ветерок, такой душистый и свежий, словно только что вместе с Эйрис проснулся после долгого сна. Умытый дождем лес заполнял всю территорию Эр-Фроу, нависал над стенами. В нем кипела зеленая жизнь. По траве пробежала рысь, словно природа испуга-

лась внезапного нашествия людей, направлявшихся к колючим кустам. Но растения не прятались и не волновались, как это обычно случалось в преддверии Первоночи. И повсюду через море бескрайней зелени бежали тоненькие ленты дорожек серого металла. Безупречно ровные, они вились во всех направлениях. Сквозь зелень Эйрис разглядела, что дорожки ведут к громадным металлическим зданиям, возведенным вдоль южной стены.

Зеленая растительность, серый металл. Когда арка за Эйрис сомкнулась, стена стала абсолютно ровной, как будто здесь никогда и не было входа. Эйрис присела на корточки и прикоснулась к стене, ощутив знакомую слабую дрожь.

– Тебе больно? – спросил кто-то.

Эйрис оглянулась. Перед ней стоял мрачный солдат, которого она раньше видела в лагере.

– Нет, я... Что они сделали со светом?

Он безразлично взглянул на небо.

– А что с ним такое?

– Сейчас не может быть Первоутро – прошло слишком мало времени. В лагере у тебя на подбородке была щетина, и она с тех пор совсем не отросла...

Солдат потрогал подбородок, внимательно посмотрел на Эйрис и заговорил о другом:

– Все отправились занимать комнаты. Здесь не следует ходить в одиночку. Возле северной стены – джелейцы. Ты не больна?

– Нет. – Эйрис выпрямилась.

– Тогда иди к нашему кварталу, стеклодув. Мы еще не успели расставить часовых. Идем, я провожу тебя.

– Я сама найду дорогу, – заявила Эйрис, но солдат пропустил ее слова мимо ушей и, крепко взяв ее за руку, повел вдоль южной стены.

– Я – Келовар. – Он не назвал материнского рода.

– Эйрис.

Она не стала любопытствовать, почему солдат пришел в Эр-Фроу. Несмотря на то, что Эйрис пробыла в лагере недолго, она уже поняла, что задавать этот вопрос или отвечать на него здесь не принято. Пока они шли, Келовар оценивающе разглядывал мир Эр-Фроу – деревья, подлесок и удивительные металлические утесы.

– Год, – задумчиво произнесла Эйрис. – Мы не сможем уйти отсюда раньше чем через год.

– С чего ты взяла? Стена всего в десять раз выше человеческого роста. Деревья растут совсем рядом. Перелезем, когда захотим.

– А ты хочешь?

– С какой стати? За службу они обещают оружие. Я прослужу год. Осторожно, ветка.

Показались дома, но Келовар все не отпускал ее руку. Они подошли к первому зданию, которое скрыло от них остальные.

Дом напоминал серый металлический куб, в каждой из граней которого были проделаны входные арки, и никаких дверей. «Как же они удерживают ночью тепло?» – подумала Эйрис.

– Здесь трудно обороняться, – заметил Келовар. На мгновение лицо его напряглось, а голубые глаза вспыхнули.

Первый этаж занимал огромный зал, освещенный светом, проникающим сквозь арки. На одной из стен горел оранжевый круг, но света он давал немного. По сравнению с лаконичной архитектурой здания, поражала пестрота его внутреннего убранства. Пол покрывали яркие подушки с причудливым, запутанным узором, который завораживал, заставляя взгляд следовать своим диковинным переплетениям. В Эйрис проснулся художник, и она опустилась на колени, чтобы потрогать чудесные, невиданные линии.

– Пойдем, – заторопил ее Келовар. – Комнаты наверху.

Единственной мебелью в зале, кроме подушек, были намертво прикрепленные к полу круглые металлические столики. Эйрис протянула руку и ощутила знакомую вибрацию.

– Нам сюда, – показал Келовар.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и увидели серый коридор, в который выходили бесчисленные двери. В нескольких проемах стояли делизийцы. Три человека преградили им путь.

– Двадцать харбинов за комнату, солдат.

– Что?! – возмутился тот.

– Нужна комната – платите. Даром вам здесь ничего не дадут.

– Двадцать харбинов, – заявили вымогатели, – и комнаты будут принадлежать только вам. Не мешкайте, позже станет дороже.

Келовар побледнел так, что на шее у него забагровел шрам, которого Эйрис раньше не замечала. Это был уже не тот резковатый, но все-таки заботливый человек, что привел ее сюда. Он обнажил оба клинка – обычный, делизийский, и серый, дар гедов. Лицо напряглось и превратилось в бесстрастную маску, на которой осколками прозрачного стекла сверкали глаза.

– Прочь с дороги!

Коренастый вымогатель с квадратным подбородком смерил Келовара холодным взглядом. Его товарищи схватились за ножи.

– Ты не посмеешь, солдат. Ты поклялся гедам не убивать и не калечить. Хочешь распротиться со своими надеждами на Эр-Фроу?

– А вы? – спросила Эйрис.

Коренастый только усмехнулся. Превосходство было на его стороне. Эйрис понимала, что немногие решатся навлечь на себя гнев гедов за нарушенную сделку, тем более в первый день, когда еще никто не знает, какая последует месть. Люди предпочтут заплатить, чем затевать драку. Эта троица все рассчитала безошибочно. Вдоль коридора одна за другой захлопывались двери. Никто не хотел видеть, вмешиваться в эту историю.

Разозлившись, Эйрис достала из-под туники кошелек.

– Вот. Сорок харбинов.

– Если вам нужны две комнаты... – Человек все еще усмехался.

– Нет, – отрезал Келовар. Он выступил вперед и по дуге, выбирая лучшую позицию для нападения. Ярость слепила ему глаза, он не видел ничего, кроме двух фигур, преградивших ему путь. Эйрис с ужасом подумала, как он не похож на джелийских легионеров. Его повадки выдавали нетерпение, отчаянную жажду боя не на жизнь, а на смерть. Один из его противников, почуввав опасность, вопросительно взглянул на коротышку, но тот ничего не сказал. Другой усмехнулся и тоже двинулся по дуге перед Келоваром.

Два тела возле реки, стрелы торчат из горла...

– Нет! – Эйрис швырнула кошелек одному из вымогателей. Тот ловко подхватил его. – Отсчитай сорок харбинов и отзови своих кридогов.

– Спасибо, милашка. Хватит, Бешир. Она заплатила за обоих. Дай им пройти.

Противник отступил в сторону, однако оружия не спрятал. Келовар застыл на месте. Эйрис тронула его руку – рука словно одеревенела. Солдат поглядел на Эйрис словно не узнавая. Она вздрогнула, но все же потянула его за рукав, и Келовар покорно дал себя увести. И лишь когда они оказались за поворотом коридора, лицо солдата смягчилось, приобретая свое обычное выражение.

– Ты бы их убил или погиб сам. А еще говорил, что собираешься отслужить положенный срок.

Келовар промолчал, только посмотрел на нее каким-то больным взглядом. В его глазах застыла такая беспросветная тоска, что Эйрис снова задумалась над тем, почему он здесь, и неожиданно почувствовала симпатию к своему спутнику. «Взаимная жалость калек», – горько подумала она. Она ненавидела как горечь, так и правду этих слов.

– Не плачь, – успокоил ее Келовар.

Эйрис и не собиралась плакать, он не понял, но ей показалось, что ему хотелось бы, чтобы она расплакалась. Неожиданно Эйрис вспомнила, как еще тогда, в делизийском лагере, решила, что солдат предпочел бы, чтобы у нее не оказалось денег и он смог бы заплатить за нее, вспомнила и его заботу по пути сюда, хотя она совсем не нуждалась в провожатом. Но тут же в памяти всплыло его бледное лицо, выхваченные ножи... Странный он, этот Келовар...

Внезапно стена пророкотала:

– Прижмите большой палец к замку. Если вы первый, кто это сделает, дверь откроется, и с этих пор будет открываться только нажатием вашего пальца. Если вы хотите позволить другим людям открывать вашу дверь, приложите ваши пальцы к замку одновременно. Тогда она будет открываться для каждого из вас. Если вы первый...

Сообщение повторилось три раза.

– Они всегда так делают, – шепотом заметила Эйрис. Келовар не ответил, приложил палец к замку, и дверь распахнулась. Они вошли в комнату без окон. Ничего, только стены из серого металла, а на полу – три яркие подушки, тоньше и длиннее, чем на первом этаже. Слева от двери на голой стене слабо мерцал оранжевый круг, но света явно не хватало. Стоит закрыть дверь, как здесь воцарится непроглядная темень. Комната оказалась просто пустой темной коробкой, предназначенной только для спанья. Эйрис задрожала.

Она почувствовала, что Келовар наблюдает за ней, и резко обернулась. Он не успел отвести взгляд, по которому нетрудно было догадаться о его намерениях, однако в ее душе не шевельнулось ни желания, ни интереса, ни даже тщеславия.

– Если ты боишься оставаться одна...

– В соседнем коридоре я видела еще одну закрытую дверь, – как можно мягче проговорила Эйрис. – Я, пожалуй, отправлюсь туда.

Она приложила палец к дверному замку. Точно такая же комната. Сама не зная зачем, Эйрис нажала на оранжевый круг. Комната наполнилась светом, лившимся отовсюду и ниоткуда, с едва заметным золотистым отливом. От неожиданности Эйрис вскрикнула. Еще одно опасливое движение, и свет погас. Господи, это же лампа!

Опустившись на колени, Эйрис внимательно разглядывала необычный светильник. Между ним и стеной не было ни малейшей щели, казалось, они одно целое. Круг совсем не нагрелся. Но что же поддерживало огонь? Где пламя? Изумленная, завороженная, испуганная, она долго сидела перед светильником и не сразу услышала стук в дверь.

В коридоре стоял Келовар, нагруженный яркими подушками.

– Это тебе.

– Мне?

– Ими торгуют внизу. Я купил их для тебя. Здесь нет ни бурнусов, ни торговцев одеждой. Этот город – всего лишь участок леса, где среди кустов и деревьев проложены дорожки. Кажется, возле северной стены есть поляна. Ты можешь сшить себе одежду из этих подушек. В коридоре портной уже назначает цены.

Он посмотрел на ее тунику. В первый раз Эйрис вспомнила о том, что она разорвана на груди и кое-как заштопана. Келовар не отводил взгляда. Эйрис забрала у него подушки и повернулась, чтобы сложить их на пол.

– Где ты порвала тунику?

– Зацепилась за что-то.

– Эйрис, – начал он, но она, услышав умоляющие нотки, успела жестом остановить его.

Вдруг наступившую тишину пререзал женский крик. Снизу донеслись испуганные вопли. Келовар развернулся и бросился к лестнице. После секундного колебания Эйрис побежала за ним и в изумлении замерла на нижних ступенях.

В зале на каждом столе появилось по четыре дымящиеся чаши, не больше и не меньше, точно в центре. Женщина, стоявшая подле Эйрис, заметила ее изумление.

– Крышки столов исчезли, – объяснила она таким слабым, дрожащим голосом, что Эйрис пришлось наклониться, чтобы расслышать. – Так же, как растворилась арка в Стене. Только что они были, потом какое-то мерцание и крышки просто растаяли, а на их место снизу поднялись другие, уже с чашами.

– А кто так страшно кричал?

– Вон та толстуха перепугалась. Я думаю, в чашах еда. – Голос журчал подобно тихому ручейку среди камней. – Смотри, Калид Т'Алира пробует.

В другом конце зала высокий курчавый человек в чине капитана выловил что-то из чаши и положил в рот. С минуту он задумчиво жевал, потом кивнул солдатам, толпившимся позади него.

– А вдруг это отравлено, – взвизгнула толстуха и, уже не в силах остановиться, без конца повторяла: – Это может быть отравлено, это может быть...

Капитан в два прыжка очутился рядом и зажал ей рот. Он не ударил ее, а просто посмотрел прямо в глаза и что-то тихо сказал. Эйрис не смогла разобрать его слов. Толстуха успокоилась, но отовсюду еще доносились тревожные и испуганные голоса. Калид Т'Алира повернулся к ним.

– Делизийцы! Эта женщина просто струхнула. Подумайте: если бы геды собирались убить нас, стали бы они так медлить? В чашах обычная еда. Я попробовал – довольно вкусно. Если вы еще боитесь, тогда подождите и понаблюдайте, как подействует на меня пища гедов. Вы хотите есть? Возьмите чашу с собой и съешьте у себя в комнатах. Вы изумлены? Да посмотрите, геды прислуживают нам, как рабы, которые остались за стенами этого города!

– Или кормят нас помоями, как скотину в стойле, – вставил Келовар. Он пробрался к Эйрис, продолжая следить за Калидом с настороженностью, причину которой Эйрис не могла понять. – Не ешь, Эйрис.

– А питаться будем воздухом? – ехидно спросила она.

– Дичью.

– Но, Келовар, даже если в Эр-Фроу и водится дичь, ее не хватит на год.

Но спорить с ним было бесполезно.

– Надо только пробраться через посты, а там охотья сколько влезет. И никаких помоев на обед.

Эйрис потянулась к ближайшему столу, осторожно выудила из чаши какой-то коричневый кусок и понюхала. Что это такое, определить она не смогла, с него стекал коричневый соус, тоже непонятного происхождения. Еда почти не пахла. Женщина положила кусок в рот и не почувствовала вкуса. Но стоило немного пожевать, как рот наполнился слюной, и Эйрис почувствовала волчий аппетит. Она проглотила кусок и потянулась за следующим, не глядя на Келовара, который сердито повернулся и направился к выходу.

Женщина с тихим голосом опустила на колени подле нее.

– Ну как, вкусно?

– Еда как еда. – Эйрис произнесла эти слова резче, чем собиралась. Кто такой Калид Т'Алира? Это первое материнское имя, которое я здесь слышу.

Женщина пропустила мимо ушей замечание о материнском имени.

– Он капитан – вернее, был капитаном городского Совета по охране Делизии.

Эйрис перестала жевать.

– Не знаю, почему он здесь, – продолжала женщина, – но, кажется, всем здесь заправляет. Я слышала, что это он приказал расставить посты. Меня зовут Криджин, гранильщица.

– Эйрис, стеклодув, – она не назвала рода своей матери, а Криджин не стала спрашивать.

– По вкусу это напоминает...

В проеме входной арки появился человек с дико выпученными глазами.

– Наступает Первоночь!

Все замерли. Повисла напряженная тишина, она напоминала хрупкое стекло, готовое от малейшего толчка упасть и разбиться вдребезги. Эйрис зажмурилась. Хватит. Хватит чудес. Довольно. Когда она открыла глаза, то поняла, что паника, которую ненадолго остановил Калид Т'Алира, опять охватила всех, и люди с удовольствием дают разрядку своим взвинченным нервам. Крича, толкаясь, переругиваясь, они ринулись к выходам – взглянуть на небо. Оно быстро темнело. Первоночь поглощала остаток Перводня, без Темного Дня, без Последнего Света. Невозможнейшее, безумнейшее событие в длинной цепи невозможных безумств сегодняшнего дня стало последней каплей. Люди кричали, что это город смерти, в котором все они неминуемо погибнут, что они уже мертвы. Кто-то протяжно запричитал, другой начал биться головой о ствол дерева, снова и снова...

Неожиданно посреди этого крошечного ада снова возник Калид Т'Алира.

– Делизийцы! – закричал он, взобравшись на огромный растрескавшийся валун. И, как ни странно, его услышали. Эйрис, которая пыталась пробраться назад в здание, повернулась к нему. У этого человека оказался властный голос, к его словам поневоле прислушивались. Он обвел взглядом перепуганную толпу. – Делизийцы! – повторил он и сделал короткий рубящий жест рукой, приказывая солдату, стоящему возле вопящей толстухи, утихомирить ее. Через секунду истошный визг прекратился.

– Делизийцы!

Постепенно крик и гомон улеглись, и теперь Калид Т'Алира мог говорить не повышая голоса.

– Итак, солнце заходит. Неужели вы никогда не видели этого раньше? Может, это Последний свет, а может, и нет. Может, мы так и не узнаем, что это, но геды обещали встретиться с нами в Доме Обучения, когда снова настанет утро. До тех пор мы можем и подождать. Неужели приход ночи причинит вам зло? Вы страдаете? Нет. Вернитесь в здание, иначе солдатам придется применить насилие. Пусть их храбрость послужит вам примером!

Солдаты, которые только что выглядели отнюдь не браво, подтянулись. Тех, кто все еще дрожал, кричал и показывал на темнеющее небо, постепенно умирили. Калид продолжал улеживать людей, постепенно понижая голос, пока он не стал тихим и ровным, и теперь уже его интонации вселяли уверенность в сердца делизийцев. Наконец люди потянулись обратно в здание.

Калид спрыгнул со скалы и шепотом что-то приказал солдату, который сразу же побежал к другим строениям.

Эйрис вернулась в зал, чтобы найти Криджин, которую потеряла в толпе, когда началась суматоха. Она увидела ее в углу. Криджин стояла, вцепившись в руку невысокого человека в тунике торговца. С приходом ночи невидимые лампы озарили комнату оранжевым светом, который, однако, был намного слабее, чем в комнатах наверху.

Чаша с едой исчезли.

Эйрис прислонилась к стене. За последнее время ей довелось пережить слишком много: житейские передряги, голод, страх, гнев, панику. И вдруг все внезапно кончилось. Сейчас она напоминала стекло, слишком быстро вынутое из печи – оно может внезапно пойти трещинами, и бывает, даже опытный стеклодув не может предсказать, когда это случится. Вероятно, такой надлом произошел и в ней. Скованная усталостью, Эйрис с трудом поднялась по лестнице и заперлась в своей комнате. Удобно устроившись на подушке, она попробовала укрыться другой, потом откинула ее: в комнате было тепло. Скучный ужин не утолил голода, желудок сводило... Подумать только, она преодолела вельд, стремясь достигнуть заветного города, а оказалась в этом металлическом склепе! Она ощущала не облегчение, а пустоту.

Эмбри...

Эйрис впила ногти в исцарапанную ладонь, но на этот раз физическая боль не смогла заглушить боли душевной. Она нажала на оранжевый круг, и комната погрузилась в темноту, хотя сам кружок продолжал тускло светиться.

Эйрис не знала, сколько времени она пролежала в темноте. Она чувствовала себя даже хуже, чем в первые часы изгнания, когда ее поддерживала ненависть, хуже, чем в вельде, когда ее со всех сторон подстерегала опасность. Теперь ее окружала пустота. И она, тоскуя о дочери, лежала наедине с этой бездушной пустотой, пока не раздался стук в дверь. На пороге стоял солдат. В руках он держал двух маленьких лори, ошипанных и запеченных. Воздух наполнился ароматом костра и жареного мяса. Келовар молча протянул Эйрис чашу гедов с аппетитной добычей. Другая его рука свисала вдоль туловища, в глазах стояла отчаянная мольба. Эйрис изучающе смотрела на рослого, сильного человека, в безвольной позе застывшего перед ней. Каждый расслабленный мускул тренированного тела выражал покорную незащищенность, потребность в утешении и ласке. Эйрис всегда претил такой стиль поведения – даже у любовника на одну ночь.

Но сейчас это ее не остановило. От Келовара пахло свежим ночным ветром и крепким мужским потом. Он был единственным живым существом в этой серой железной клетке, единственным человеком на необитаемом острове. Бездушный склеп забрал у Эйрис последние силы, и этой ночью она больше не могла в одиночку бороться с неведомым. Она нажала на круг в стене и впустила Келовара в комнату.

Оранжевый глаз на стене пристально вглядывался в беспросветную тьму.

10

У противоположной стены Эр-Фроу, в одной из комнат галереи, специально отведенной для таких, как она, прислонившись к стене, сидела проститутка. Девушка была одна, ее неприбранные черные волосы беспорядочно рассыпались по узким плечам и едва заметной груди. Когда она наклонялась, волосы темным потоком падали на пол.

СуСу внимательно оглядела свои ноги и пах, и ей показалось, что язвы исчезли. Да, кожа стала чистой! Язвочки пропали, когда она проснулась внутри Стены. Очень странно: они не могли затянуться за такой короткий срок. И однако это произошло!

СуСу тихо всхлипнула. Ее мать тоже была проституткой; девочка выросла на задворках квартала братьев-легионеров в Джеле и знала, что гнойные язвы проституток никогда не вылечиваются, наоборот, они всегда увеличиваются и твердеют. В один из циклов ее мать просто прогнали со двора, еще через два цикла от нее потянуло зловонием гниющей плоти, мать корчилась от боли, а на четвертый цикл умерла. СуСу сама отнесла ее тело к похоронной печи. Завернув иссушенное тело в бурнус, она с трудом тащила его по улицам. Острые камни мостовой разодрали бурнус в клочья, и мать отправилась на Остров Мертвых с исполосованной спиной и в облаке жуткого смрада.

Как и все ее товарки, СуСу знала: гноящиеся язвы проституток никогда не проходят. Ее язвы прошли.

Девушка принюхалась: семя последнего брата-легионера, ее собственный запах – и все. Гноя нет. Запаха гноя нет с тех пор, как она очнулась, со всех сторон окруженная металлом. Она бежала, чтобы не умереть смертью своей матери, она просто не могла представить, что ее тело тоже потащат по мостовой на потеху братьям-легионерам. Уж лучше мостовые Города Мертвых. Но язвы исчезли...

Град ударов сотрясал дверь. Проститутка посмотрела на нее своими темными, словно из матового стекла, глазами. Они никогда не меняли своего выражения. Удары в дверь сыпались без передышки и становились все сильнее. Проститутка, зажав уши, изо всех сил сдавила голову руками, но глаза ее оставались пустыми – ни страха, ни ненависти. Ничего.

11

Энциклопедист выдавал информацию. Он применил сначала конструкцию очевидного факта, затем конфигурацию предположений, которые подтверждались неким событием или явлением:

– Биологическое исследование показало, что генетическая структура клеток человеческого гиганта, лишённого пигмента, значительно повреждена; воспроизведение потомства исключено. Голосовые связки деформированы; говорить не может. Кровь и внутренние органы поражены радиацией одиннадцатого и шестнадцатого типов. Третий уровень.

Повреждения и уровень радиации тканей человеческого гиганта поют в гармонии с уровнем радиации одного из участков планеты – острова, отстоящего на восемьдесят орфов отданного населенного континента. Возможно, он прибыл с этого острова.

Темная сторона: неизвестна причина, по которой человек покинул свою группу спаривания и в одиночку отправился в такое далекое путешествие на лодке, которая вполне могла затонуть. Как «джелийцы», так и «делизийцы» вне стен лаборатории обычно стремятся объединиться с другими членами своей подгруппы.

Темная сторона: в разговорах ни разу не упоминались люди, живущие на островах, никто не говорил о лодках, способных покрыть такое расстояние.

Солнечная сторона: люди говорят об Острове Мертвых. Если бы человеческая грамматика была достаточно развита, чтобы петь в гармонии с грамматическими конфигурациями, большинство таких речей переводилось бы в подобии поэтических конфигураций или конфигураций диких, бездоказательных гипотез. В целом способность людей выражать факты или гипотезы с помощью поэзии широко варьируется (уровни с шестого по двадцать восьмой).

Радиация острова соответствует радиации кораблей землян, один из которых сбит Флотом в этом районе, с учетом периода полураспада основных изотопов (2164 стандартных фрегов).

Представляется вероятным, что люди впервые попали на планету в начале войны на частично поврежденном гедом корабле, приземлившимся на данном острове. Чтобы пересечь океан, люди использовали либо лодки, гораздо совершеннее тех, что имеются в настоящее время у «делизийцев» и «джелийцев», либо космические челноки. Если это действительно так, то органические компоненты корабля или челнока должны были разложиться много поколений назад. Если человеческая система хранения информации напоминала нашу, то радиация должна была уничтожить молекулярные матрицы.

Если гигант прибыл с острова, там могут оставаться и другие люди. Ни один гед не должен приближаться к острову. Необходимо послать на остров зонды-наблюдатели, не содержащие органических узлов.

Можно предположить, что часть людей осталась на острове, а остальные переправились на континент. Но это могло произойти только в том случае, если оставленные на острове были настолько сильно поражены радиацией, что представляли опасность для покинувших его. Однако пораженные особи не могут воспроизводить потомство, поэтому человеческий гигант просто не мог появиться на свет. Тем не менее он существует.

Люди, населяющие планету, делятся на три подгруппы, а не на две. Этому нет логического объяснения.

Люди, населяющие континент, делятся на две подгруппы, а не живут одной общностью. Нет логического объяснения.

Существует придуманное людьми объяснение их появления на планете, выраженное поэтическими образами. Они утверждают, что все их предки были мгновенно перенесены на материк с Острова Мертвых. Но это иррациональное объяснение.

Ни одна из гипотез не объясняет, почему люди не говорят о том, откуда они взялись на планете.

Исследования человеческого гиганта наряду с другими подопытными, показали, что мозг гиганта сильно поражен радиацией. Его феромоны не отличаются от феромонов остальных людей. Способность реагировать на феромоны не отличается от способностей его собратьев.

Человеческий гигант обречен.

12

В это невозможно поверить. Геда, кто бы они ни были, глупцы.

Джехан стояла на серой металлической площадке перед Домом Обучения, сжимая ярко-красный кружок, который только что получила от геда. Чужак носил доспехи без единого шва. Они сверкали на солнце, как металл, оставаясь мягкими, как ткань. Неужели они действительно способны защитить? А прозрачный шлем, полностью закрывавший голову, – из чего он? Не из стекла же, в конце концов! Как бы то ни было, таинственный материал нисколько не заглушал рокошущего голоса чужака. Он сказал, что красный кружок означает принадлежность Джехан к легиону – Красному легиону, в котором ей предстоит тренироваться. Это Джехан могла понять – конечно, здесь слишком много джелийцев, чтобы заниматься всем вместе. Их следовало бы разбить на легионы сестер, легионы братьев и такой же никчемный, как и сами нелегионеры, легион горожан. Но, может быть, геда надеялись обучить их чему-то стоящему, например сформировать из них нечто вроде тылового прикрытия. Это еще куда ни шло.

Но Джехан видела, как гед протянул красный кружок делизийцу.

– Я не тренируюсь рядом с подонками! – возмутилась она.

Гед долго молчал, не отвечая; он смотрел на Джехан так, будто пытался проникнуть в смысл ее слов. Неужели он настолько глуп?

– Ты отправишься в комнату с красным кругом на двери, – наконец проговорил он.

– Нет. Если в этом легионе будут делизийцы, я не пойду! Я джелийка! Я сестра-легионер! Я не тренируюсь вместе с предателями.

Снова последовала пауза, на этот раз еще длиннее. Джехан холодно смотрела на чудовище. Неважно, что на нем броня, оружия-то у него нет. Но все-таки джелийка пыталась сдержаться. В конце концов, чужаки, может быть, просто не представляют себе, что такое делизийцы. Но если они не знают, что этот сброд только и делает, что торгует, к тому же часто нарушая условия своих грязных сделок; если они не знают о перемирии, которым завершилась последняя война – делизийцы еще не успели нарушить его; не знают об их трусливых ночных набегах, совершаемых не ради честной битвы, а ради новых рабов, – что ж, Джехан расскажет им. Она уже открыла рот, чтобы сказать, но геда не интересовали объяснения. Он вновь повторил:

– Ты отправишься в комнату с красным кругом на двери.

– Нет.

– Ты согласилась каждый день приходиться в Дом Обучения. Женщина пела в гармонии с тобой.

– Командующая приказала мне прийти, и я пришла, но легионеры Джелы не тренируются вместе с отребьем!

Два геда встали рядом со своим братом-легионером, как только Джехан повысила голос, но не в боевом порядке, не вытащили ножи – они выжидали. Джехан даже не поняла, кто из них был старший. И это мастера-воины? Даже горожане действовали бы решительнее. К презрению добавилось разочарование. Девушка вынула нож.

– Дайте мне кружок в легион сестер-легионеров.

Толпившиеся перед Домом Обучения джелийцы и делизийцы настороженно замерли, наблюдая за происходящим.

Геда как будто колебались. Люди украдкой переглядывались. Все трое молча смотрели на Джехан. Ей пришла в голову безумная мысль: может, они совещаются?

– Ты отправишься в комнату с красным кругом на двери, – наконец произнес первый гед. – В этой группе «джелийцы» и «делизийцы» будут вместе. В Эр-Фроу все равны.

Равны! С таким же успехом он мог назвать ее делизийкой, горожанкой, проституткой! Гед оставался совершенно невозмутим, и от этого оскорбление показалось ей еще сильнее. Он даже не удостоил ее повышением голоса. Спокойствие гед красноречиво свидетельствовало: она настолько ничтожна в его глазах, что не может вызвать даже гнева. Без сомнения, это чудовищное оскорбление. Джахан вспыхнула, напряглась и приняла боевую стойку.

Гед стоял неподвижно, он не схватился за оружие, если даже оно у него было, а просто, помолчав, повторил:

– В Эр-Фроу все равны.

Джахан бросилась вперед.

Люди вскрикнули. Нож Джахан полоснул как раз по тому месту, где металлическая броня гед переходила в стеклянный шлем. Такой удар пробил бы и броню, но нож словно натолкнулся на скалу, сломался пополам и отскочил. Джахан вывихнула плечо, а гед даже не пошатнулся. «Это невозможно! Невозможно!» – в смятении билась мысль, а гед, как ни в чем не бывало, спокойно произнес:

– Ты отправишься в комнату с красным кругом на двери.

У Джахан подкашивались ноги, однако она выхватила другой нож, подаренный гедми, и приготовилась к новой атаке.

– Джахан! – Это крикнула главнокомандующая Белазир. Девушка выпрямилась и сжала кулаки. Ее мышцы дрожали от напряжения, она все еще не могла поверить в происшедшее.

– Он оскорбил Джелу, командующая. Он сказал, что легионеры равны, равны делизийцам и будут тренироваться в одном легионе!

– Мы будем тренироваться, как нам прикажут.

Джахан похолодела. А командующая так же резко продолжала:

– Мы связаны с гедми словом чести на все время, пока здесь находимся. Отказаться от своего слова еще больший позор.

Джахан встретила глазами с Белазир. Во взгляде девушки сквозило отчаяние воина, связанного ненавистной клятвой. Она почувствовала, что уверенность покидает ее. Вероятно, главнокомандующей все это тоже было не по душе, но она считала, что слово чести будет нарушено, если они не подчинятся гедми.

– Значит, я напала на того, с кем связана клятвой. Моя жизнь принадлежит тебе. – Холодок пробежал у Джахан по спине. Слова – простая формальность, а казнь может оказаться настоящей. Но Белазир только вздернула подбородок. В ее задумчивом молчании Джахан почувствовала нерешительность, даже уязвимость. Ее охватила слабость – не от боли в плече, а от внезапного озарения: главнокомандующая колеблется, не зная, как поступить.

– Я возвращаю тебе жизнь, – наконец решила Белазир. – В Доме Обучения ты будешь беспрекословно подчиняться гедми.

– Слушаюсь, главнокомандующая.

Белазир жестом отпустила ее, и Джахан направилась в Дом Обучения. Она выбросила кружок, но он успел оставить красную отметину на ее ладони. Оттереть ее, наверное, не удастся.

Джахан подумала, что все это очень смахивает на какую-то детскую игру или фокусы уличного жонглера в базарный день. Подтасовки и фокусы, бессмысленные и глупые, словно толчешь воду в ступе. И все же, кого или что она ударила ножом?

Дом Обучения, как и сам Эр-Фроу, представлял собой прямоугольник, со всех сторон огороженный глухими стенами из серого металла. Джахан решила, что это двор, где будут проходить тренировки. Каждая стена имела арочный вход. Но внутри оказался сквозной коридор, в который выходили двери многочисленных комнатшек. Над входом в каждую висел цветной кружок. Перед дверью, отмеченной красным кружком, Джахан остановилась.

Круглые столы. Подушки. Светящееся оранжевое пятно на стене. В центре комнаты неподвижно сидел гед. Перед ним расположились девятнадцать человек: девять делизийцев, девять джелийцев и странное существо – гора мускулов, лицо молодое, а волосы белые, как изморозь. Они покрывали не только голову и шею, но и руки гиганта, а на голове были заплетены в косички, аккуратно завязанные белыми ленточками. Даже его туника, такая широкая, что могла бы сойти за палатку, была белоснежной. Гигант в одиночестве восседал посередине между враждующими группами, глядя прямо перед собой глазами цвета только что освеженной дичи.

У противоположной стены устроились мрачные джелийцы-легионеры, горожане постарались отсесть подальше от гед. Две сестры-легионера, два брата-легионера и первый лейтенант главнокомандующей Белазир по имени Дахар, о котором Джахан уже доводилось слышать. Горожанин в одежде каменщика, работница и проститутка – та самая, с которой она столкнулась в Эр-Фроу.

К стене рядом с выходом прислонились четверо делизийских солдат. Они пристально смотрели на Джахан. Возле них примостились пятеро делизийских граждан. Среди них девушка увидела ту самую размазну-стеклодува, которую привела сюда через вельд. Мокрица оказалась настолько безмозглой, что посмела узнать ее. Проститутка, и та лучше знала свое место.

Джахан направилась к легионерам. Численностью они превосходили делизийцев, но те подонки блокировали выход. Какого черта лейтенант разрешил им занять выгодную позицию? Девушка стала исподтишка изучать его. Невысокий, широкоплечий, наверняка сильный воин, но походил скорее на рабочего, чем на воина, и это вызвало у нее отвращение. Темные даже для джелийца, жесткие волосы, грубое лицо. Не о нем ли говорили, что он родом не из Джелы, а откуда-то издалека? И все же он был жрецом-легионером: не клинок, а двойная спираль пересекала два солнца на его левом плече. Джахан и не предполагала, что чужак может подняться так высоко, и ей это не нравилось. Очень не нравилось.

– Сначала, – заговорил гед, – мы изучим неизвестное. Потом приступим к проверке известного и к созданию и изучению нового оружия.

Гед замолчал. Все тоже молчали. Джахан ждала, сосредоточив внимание на делизийцах и Дахаре, который в любую секунду мог дать сигнал к нападению, но никто не пошевелился.

Бежали минуты. Тишина становилась все тягостнее, напряжение волнами расходилось по комнате. Гед сидел с бесстрастным лицом и не произносил больше ни слова. И это учеба? Это тренировка? Дерьмо! Краем глаза Джахан уловила взгляд долговязой костлявой девушки, сидевшей справа. Ее волосы, к удивлению Джахан, отливали рыжиной. Рыжеволосыми преимущественно были делизийки, но выправка и одежда девушки выдавали в ней легионера. Они с Джахан украдкой обменялись изумленными взглядами. Девушка слегка повернула большой палец внутрь, что среди сестер-легионеров означало скрытый намек на глупость начальства. Оказывается, в Эр-Фроу еще не все сошли с ума.

Молчание затянулось.

Когда Джахан показалось, что она больше не в силах выносить тишину, Дахар спросил у гед:

– Если мы должны начать изучение неизвестного, то как оно будет проходить?

– Я отвечу на любые ваши вопросы, – немедленно ответил гед.

– Нам разрешается задавать вопросы?

– Да. – Гед внимательно изучал лейтенанта, и Джахан снова отметила, что его лицо не выражало никаких чувств. Вероятно, они чертовски хорошие воины, подумала она, если позволяют себе смотреть на людей с таким оскорбительным безразличием.

По плечу, которое она вывихнула, напададая на гед, пробежала судорога. Лейтенант обратился к геду уважительно. Жрецы-легионеры, конечно, полезны на поле брани – раненым

необходима помощь, – но командовать... И все же, несмотря на свою простоту, Дахар выглядел настоящим бойцом, а не слюнчавым знахарем. В суровом взгляде его темных глаз пылало жаркое пламя. Что ж, среди жрецов-легионеров попадались и такие – увлеченные не только боем. Они задавали мудреные вопросы, раздумывали о том, что не стоило и выеденного яйца.

– Я Дахар Анла, жрец-легионер и первый лейтенант главнокомандующей. Он помедлил, но произошло невероятное – гед не представился в ответ. Джелийцы и делизийцы почувствовали себя бесконечно уязвленными. Делизийцы, даже солдаты, открыто выразили свое изумление. Фу! И это называется дисциплиной! Джахан прищурилась. Рыжеволосая сестра-легионер сжала кулаки.

– Скажи мне свое имя, – наконец выдал из себя Дахар.

– Гракс, гед, – отозвался чужак. – Мой мир вращается вокруг другой звезды.

Все вновь замолчали. Джахан фыркнула про себя – она поверит геду не раньше, чем увидит заход Маяка. Дахар слегка подался вперед. Он сдерживался изо всех сил, но его взгляд сверлил гед, словно раскаленный клинок.

– Зачем вы пришли на Кому? Зачем вы построили Эр-Фроу? – вызывающе спросил он.

– Чтобы учить людей.

– Почему?

– Потому, что предпочли учить.

– Ты мастер-воин? Это твоя религия?

Снова повисла пауза, такая же, как та, что вынудила Джахан броситься на гед. Казалось, чужак к чему-то прислушивается. К чему?

– Мы не жрецы, – ответил он. – Мы пришли на Кому учить, потому что хотим понять психологию людей.

– Зачем? – послышался другой голос. Вопрос задал один из делизийских солдат. Джахан не поверила своим ушам: он заговорил раньше своего командира.

– К чему вам это? – угрюмо повторил солдат.

– Нам необходимо знание, которого у нас нет. Разве тебе никогда не хотелось узнать то, чего ты не знал раньше, просто ради интереса?

– Нет, – отозвался делизиец. Его мрачность граничила с наглостью. Все, чего я хочу, – это получить драгоценности, которые вы обещали. Когда вы их дадите?

– Все, кто останется в Эр-Фроу на год, получают награду.

– А разве у нас есть выбор? Мы замурованы здесь, и даже вместо неба стена! – раздался голос Дахара.

Джахан вздрогнула и уставилась на него. Небо – стена! Раздались восклицания – испуганные, насмешливые, изумленные. Только загадочный альбинос остался невозмутим. Может, он глухой?

– Как вы узнали об этом? – спросил гед Дахара.

– Влез на дерево возле стены, дотянулся до вашего неба и понял, что оно стеклянное.

Люди возмущенно зароптали. Гед сидел молча – снова к чему-то прислушивался! Вдруг одна из делизиек наклонилась вперед и закрыла лицо руками. Делизийский солдат вытащил нож, рыжеволосая девушка рядом с Джахан обнажила свой. Горожане и солдаты заволновались. Всех охватил страх – за исключением маленькой проститутки и женщины-стеклодува, которая уставилась на Дахара так, будто его слова повисли перед ней в воздухе. Она смотрела на лейтенанта в упор! Честное слово, Джахан следовало бы бросить эту наглую тварь замерзнуть в вельде.

– Стеклянная полусфера накрывает весь Эр-Фроу. Это еще одна стена, настаивал Дахар. Наконец гед ответил:

– Да, над Эр-Фроу – купол, но он не из стекла.

– Вы заперли нас, – сказал Дахар.

– Нет. Купол построен не для того, чтобы держать людей взаперти. Он служит для того, чтобы удерживать воздух.

Воздух! Удерживать воздух. Да этот чужак смеется над ними! Бормоча проклятия, делизийский солдат шагнул вперед. Шепот перерос в гвалт, люди кричали, вынимая из потаенных мест оружие. Проститутка стиснула руки до белизны. Две женщины забились в истерике.

– Тихо! – рявкнул Дахар.

Половина людей в комнате мгновенно умолкли. Ни один джелиеца – ни легионер, ни горожанин – не двинулся. Делизийцы изумленно взирали на покорное поведение джелийцев. Джахан заметила, что вражеский командир нахмурился, и почувствовала удовлетворение: этому мозгляку нипочем не добиться такой дисциплины, и он это знает. Он рявкнул что-то своим солдатам, а тем пришлось прикрикнуть отдельно на каждого горожанина. У одного даже хватило наглости огрызнуться – в Дзеле это могло стоить ему жизни. Они напоминали стаю кридогов. Собрались вместе для того, чтобы обманывать и наживаться друг на друге. Зверью неведома дисциплина.

Гед равнодушно созерцал всю эту суматоху. Постепенно делизийская половина комнаты тоже успокоилась.

– Зачем удерживать воздух? – снова поинтересовался Дахар.

Джахан этот вопрос показался бессмысленным, но гед ответил как ни в чем не бывало:

– Воздух удерживается, чтобы его можно было подогреть, точно так же вы закрываете свои дома, сохраняя в них тепло или прохладу. Целый год, пока вы здесь, воздух останется таким же теплым, как сейчас. Не будет ни жарче, ни холоднее.

Ни ледящего холода, ни палящего зноя... Джахан была поражена: ведь умение сражаться в суровых условиях – один из обязательных этапов подготовки легионера! Горожанин этого не выдержит, на такое способен только ратник. Неужели геды и впрямь хотят уничтожить различия между легионерами и горожанами?

Делизийка-стеклодуб наклонилась вперед – она шевельнулась в первый раз за все время – и спросила:

– То, что мы видим, – это не небо, так? Купол ведь не прозрачный, а дымчатый. Как вам удалось изменить свет? Он ведь не солнечный, это... искусственный свет, свет, горящий под стеклянным куполом так же, как тот свет, что горит в залах?

– Да.

– Но я видел облака! – воскликнул один из делизийцев.

– Ты видел их изображение, движущееся в прозрачном слое купола.

– Изображения неподвижны.

Делизийцы снова зароптали и надулись с видом людей, которые подозревают, что их просто водят за нос. Но женщина-стеклодуб настаивала на своем. С убежденностью и силой, которой Джахан в ней не ожидала.

– Это похоже на театр теней – тени ведь движутся. Это похоже на небо, но не небо. А настоящее небо – там, над Эр-Фроу? – обратилась она к геду.

– Да.

– Зачем?.. – ей приходилось перекрикивать разгудевшихся сограждан. Джелийцы, верные приказу Дахара, не издавали ни звука.

– Чтобы услышать, нужна тишина, – произнес гед.

Командиру делизийцев снова пришлось успокаивать своих солдат и горожан. Джахан с презрением отметила, что он никого не наказал. Эйрис повторила:

– Зачем вы изменили свет?

– Что лучше: шестнадцать часов света и восемь часов темноты или тридцать шесть часов света, а потом тридцать шесть часов темноты?

Джехан невольно вспомнила изнуряющую усталость, которая наступает у людей во время Последнего света после короткой передышки Легкого сна, о ледящей тьме Третьеночи, когда все уже выпались, а до рассвета еще далеко. Горожане беспрестанно трясутся и проклинаят темноту, больным становится хуже, а детей, которых матери-легионеры приносят в эти часы, очень трудно выходить. «Время Смерти» – так его называют жрецы-легионеры.

Толстая делизийка со сломанным носом сердито выкрикнула:

– Солнце есть солнце. Вся эта болтовня об измененном свете – чепуха! Третьедень есть Третьедень! А купол твой не может быть стеклянным, нет такого мастера, который смог бы накрыть стеклом целый город.

– Он не из стекла.

Гед коснулся плоского предмета, который сжимал в ладони. Крышки столов словно растворились в воздухе, и снизу поднялись другие. Теперь на них лежали квадратики серой ткани с металлическим отливом. Гед взял со стола один из квадратиков, ткань провисла мягкими складками.

– Пощупайте, – предложил он.

Никто не двинулся с места.

– В Эр-Фроу все, за исключением подушек, сделано из этого материала. Мы называем его «вроф».

– Но это же тряпка, – фыркнул один из делизийцев, – а Стена твердая!

Гед вытянул руку, на которой лежала маленькая черная коробочка. Он слегка провел по ней пальцами, и вдруг мягкая ткань превратилась в твердый квадрат. Жесткий, негнувшийся, с легким мерцанием вокруг... Джехан замерла. Гед держал кусок Стены. Он снова провел пальцами по коробочке, и в руке у него оказался лоскут серой ткани.

Холод сковал Джехан: они умеют превращать ткань в металл и наоборот!.. Детский страх перед всем магическим и сверхъестественным овладел ее душой. В мозгу пронеслось: «Беги, прячься или духи Острова Мертвых настигнут тебя!» Мгновением позже девушку охватил ужас перед чудовищной властью гедов. Никто до сих пор не задумывался, какой громадной мощью они обладают...

Раздался женский крик. Толстая делизийка набросилась на гед. На лице ее застыло изумление, как у новобранца, который идет в бой, повинувшись не трезвому расчету, а животному страху, и стремясь уничтожить его причину. Толстуха ударила гед и отлетела назад так же, как раньше это произошло с Джехан. Делизийка тяжело повалилось на пол, глаза ее дико вращались, а лицо перекосилось от боли. Ей показалось, что она со всего размаху налетела на скалу. Женщина, скорчившись, лежала между столами.

– Он окружает и тебя, – произнес Дахар. Его голос был ровен. Джехан оторвала взгляд от стонущей толстухи и пристально посмотрела на командира. – Этот непрозрачный жесткий вроф, – он запнулся на неизвестном слове, – из которого сделан купол. Он и вокруг тебя, потому мы не можем тебя тронуть. Такой же вроф я почувствовал, когда дотронулся до неба.

– Да, он задерживает воздух, которым я дышу. Я дышу другим воздухом, не таким, как ваш, – ответил гед.

Толстуха наконец встала, прижимая правую руку к груди и беспомощно озираясь. Ни гед, ни делизийский командир не сказали, что ей теперь делать, и она забилась в дальний угол, съежилась и закрыла глаза, чтобы не видеть того, что смущает разум.

– Из чего сделан этот вроф? – спросил Дахар все тем же бесцветным голосом. Вежливость забыта, подумала Джехан. Или Дахар больше не владел своим голосом. Она почувствовала, что у нее дрожат колени, и вплотную сдвинула ноги, пока никто не заметил ее слабости.

– В нем немного вещества и много силы и энергии, – отозвался гед.

Джехан нахмурилась. О чем он говорит? «Сила» – это когда горожан заставляют делать, что положено, а «энергия» – способность без усталости тренироваться много часов.

– Скажи нам... – заговорил Дахар, но его голос сорвался, и пришлось начать снова: – Скажи нам, что это значит.

Гед в абсолютном молчании долго рассматривал Дахара. Он внимательно оглядел его, делизийку-стеклодува, потом остальных. Толстуха в углу обхватила колени руками и сжалась в комочек. Глаза пострадавшей были по-прежнему закрыты. Остальные со страхом смотрели на гед. Постепенно испуг на некоторых лицах сменился обидой. Только огромный белый дикарь оставался безразличным ко всему и неподвижным, словно высеченным из камня. Гед снова обратил лицо к Дахару и начал вещать о силе и энергии, о каких-то штучках в воздухе, которые никому не дано разглядеть, но из которых получается разный воздух для разных звезд; о воздухе гедов, и о воздухе людей, и о воздухе гедов внутри врофа. Дахар жадно ловил каждое слово, его некрасивое лицо стало настороженным, как морда кридога, завидевшего огонь. Он весь подался вперед и вырос в глазах Джахан, ибо, несмотря ни на что, оказывал чудищу почтительное уважение. А гед продолжал заунывно бормотать, он все говорил и говорил.

И так каждый день? Воздух людей, воздух гедов – что за ерунда! Воздух есть воздух. Но, может быть, потом, когда они приступят к изучению оружия, станет интереснее? А до тех пор...

Джахан повернулась к сестре-легионеру, сидевшей рядом. Та расслабилась, тревога покинула ее, уступив место вялости. Джахан почувствовала нежность к рыжеволосой девушке. И делизийцы, и джелийцы убрали оружие и прислонились к стенам. Только Дахар, которого положение обязывало соблюдать приличия, изображал заинтересованность. Дахар и делизийка-стеклодув. Она сидела с широко раскрытыми глазами, на виске у нее пульсировала голубая жилка. Джахан нахмурилась и пожала плечами. Она давно уже поняла, что эта женщина – сумасшедшая. Потом ее взгляд остановился на трехглазом чудище, чей мир вращался вокруг другой звезды. Она позволила волнам его речи катиться мимо сознания и запаслась терпением.

13

Эйрис опустилась на колени перед светящимся оранжевым кругом в своей комнате. В одной руке она держала стеклянный цилиндр, в другой – белую тряпочку. В углу лениво растянулся на подушках Келовар. Его обнаженное тело блестело – он только что вернулся из бани, расположенной позади зала, и смотрел на Эйрис из-под полуприкрытых век. Они уже пробыли в Эр-Фроу пять циклов, хотя, сказать по правде, это были всего только дни.

– Ложись, Эйрис, уже поздно.

– Да, сейчас.

– Ты делаешь это уже в пятый раз.

– Знаю. Я... – она не договорила. На ее лбу пролегла глубокая складка, а глаза расширились и наполнились влагой. Она потерла шелком стекло и поднесла цилиндр к полу. Кусочки сухих листьев рванулись вверх и прилипли к стеклу. Эйрис нервно рассмеялась.

– Эйрис...

– Вроф, – сказала она и снова засмеялась прерывистым дребезжащим смехом, который вдруг окончился всхлипыванием. – Отсюда – во вроф. Та же «сила». Та же.

– Ты пойдешь наконец спать? – недовольно спросил Келовар. Эйрис услышала в его голосе раздражение и посмотрела ему в глаза.

– Фокусы. Игрушки и фокусы, – проворчал солдат.

– Нет. Нет, Келовар, неужели ты не понимаешь, как все это интересно? Они многому научат нас...

– Иллюзионисты. Им нельзя доверять. Если бы мы целыми днями занимались подобными пустяками, то и сами придумали бы не хуже.

Эйрис взглянула на триболо в углу и мягко проговорила:

– Но ведь мы не придумали, правда? Никто в Кендасте не изобрел триболо.

Келовар протестующе вскинул широкую ладонь.

– Они чужаки, Эйрис, не забывай об этом. Такие же чужаки для нас, как и джелийцы. – Он смягчился и добавил примирительно: – Конечно, тебе интересны все эти разговоры об «обучении созиданию» – это естественно. Ты стеклодув, а не солдат. Но все равно не доверяй им.

– Делизия не враждует с гедями, – осторожно заметила Эйрис.

– Я говорил не о вражде, – оборвал ее Келовар.

– Нет. Но, Келовар... – она пересекла комнату, опустилась на ложе и торопливо заговорила: – Геды учат, что весь мир состоит из подвижных соединяющихся и распадающихся частичек вещества и энергии – весь мир, Келовар...

Его раздражение улеглось, он улынулся:

– Тебя это поражает, да? – Он ласково взял ее руку и принялся чертить пальцем круги у нее на ладони.

– Келовар, как ты думаешь, это правда? Ты считаешь, что рассказы о веществе и энергии – ложь?

– Я не могу утверждать наверняка.

– Но все-таки?

– Может быть, правда, а может, и нет. Это не важно.

– Как не важно? Геды рассказывают нам о том, как устроена наша планета.

Он поднес ее руку ко рту и нежно куснул за палец, напоминая о прошлой ночи, когда они были вместе.

– Я рад, что тебя забавляют их фокусы и игрушки. Не хочу, чтобы ты скучала. Но наша с тобой главная задача – извлечь из всех этих пустяков какую-нибудь пользу.

Эйрис отдернула руку. Келовар взглянул на свою подругу с удивлением. Она внимательно вглядывалась в его лицо, освещенное оранжевым светом. Похоже, он искренне недоумевал, действительно считая рассказы гедов придуманными исключительно для забавы и не собираясь оскорблять ее. Но в его глазах таился тщательно скрываемый страх, нечто такое, что заставило его внезапно нахмуриться. И еще увидела на его руке зеленый кружок – в Доме Обучения Келовар занимался в другом зале.

– Скажи, – спросила она, – разве у вас на занятиях не говорили о веществе и силе, о том, из чего, как утверждают геды, сделана Кома?

– Они говорили об этом. – Он все еще хмурился.

– Повтори, что они сказали.

– Зачем?

– Прошу тебя. Пожалуйста.

– Какую-то чепуху. Меня интересует только оружие – это действительно важно.

– Ну, пожалуйста, расскажи.

– Нет.

– Прошу тебя.

Келовар поднялся и короткими сердитыми рывками стал натягивать штаны и рубашку. Одевшись, он направился к двери. Слегка наклонив голову, Эйрис неподвижно стояла на коленях среди ярких подушек. Она догадалась, что он просто не понял объяснений и теперь не мог их воспроизвести.

Взявшись за дверную ручку, Келовар обернулся.

– Эйрис...

Она подняла глаза. Он стоял так же, как в первую ночь, когда пришел к ней в комнату: руки безвольно опущены, незащитное лицо выражало покорность и желание.

– Эйрис... Я не хочу уходить.

Она ничего не ответила.

– Я хочу остаться здесь, с тобой. Если, конечно, ты позволишь. – Его голос звучал так нежно и умоляюще, что у нее вдруг сжалось сердце. Она чувствовала какую-то фальшь, и все же ее друг был искренен. Смутившись, она ничего не ответила. Келовар принял ее молчание за согласие и нажал на оранжевый круг. В наступившей темноте она почувствовала, как его руки обвили ее, он зарылся лицом в тяжелые пряди ее волос.

– Ты позволишь мне остаться, солнышко?

– Да, – равнодушно проговорила Эйрис. Он быстро стянул с нее тунику и потянулся к поясу. От него пахло проточной водой и баней. В темноте отчетливо слышалось дыхание: его – тяжелое и ушаченное – и ее – спокойное, не затронутое страстью.

Оранжевый свет от горящего круга на стене не позволял разглядеть детали. Келовар теснее прижался к подруге, а она смотрела на невидимый во мраке потолок, сделанный из крохотных частиц, удерживаемых силой, которая подчинялась гедам и лежала в основе целого мира.

В доме, отведенном для сестер-легионеров, лежала Джехан. Ее рука покоилась на груди другой сестры, Талот. Оранжевый круг на стене в комнате Талот давал достаточно света, чтобы Джехан могла различить ее выступающие груди, резкие очертания которых смягчались упавшими на них длинными рыжими локонами. Поигрывая одной прядью, Джехан поднесла ее ко рту и начала рассеянно тереть губами.

– Когда тебе в караул, Талот?

– Во вторую смену. А тебе?

– В третью. Нам надо поспать. С тобой было хорошо, Талот.

– С тобой тоже. Зачем ты жуешь мои волосы?

Улыбнувшись, Джехан лениво потянулась. По телу разливались теплота и истома. С Талот действительно было хорошо.

– Не знаю, дурная привычка.

– Ты всегда жуешь волосы своих возлюбленных?

– Обычно свои собственные, но твои просто прекрасны, Талот. Необыкновенные.

– Ты имеешь в виду цвет? – настороженно уточнила Талот, и Джахан опять вспомнила о том, что рыжими чаще всего бывают делизийки. У джелиек волосы черные. На этом сходство Талот с делизийками кончалось. Она превосходила Джахан на тренировках, которые уже начала проводить командующая. На занятиях с гедом быстро соображала, какие из новых сведений действительно интересны, а какие не стоят внимания, в постели оказалась лучшей любовницей из всех, с кем раньше спала Джахан, хотя она не спешила ей в этом признаться. В общем, Талот – лучшее, что Джахан нашла в Эр-Фроу, сестра-легионер до мозга костей, и ничего не изменилось бы, окажись она даже зеленоволосой.

– Мне нравится этот цвет, – отозвалась Джахан. – Очень нравится. Она крепче обняла Талот, но, к ее удивлению, скованность и настороженность подруги только усилились.

– Ты мне нравишься, – прошептала Джахан, но Талот ничего не ответила. – Скажи, у тебя есть возлюбленная?

– Нет! – в шепоте подруги прозвучало смятение.

Джахан нахмурилась. Но она никогда не останавливалась на полпути.

– Мне хотелось бы делить с тобой комнату, чтобы ты могла открывать замок на моей двери. Будем вместе проводить время, свободное от караула.

Талот отодвинулась, и рука Джахан соскользнула с ее груди. Рыжеволосая девушка лежала, упорно рассматривая потолок. В тусклом оранжевом свете Джахан едва различала нежную линию ее щеки.

– Если не хочешь, так и скажи, – ровным голосом проговорила Джахан.

– Я хочу. Ты мне нравишься больше, чем любая из сестер-легионеров, с которыми я бывала прежде.

– Тогда какого черта...

– Но сначала я хочу тебе кое в чем признаться.

Талот замолчала. Джахан ждала, изумление постепенно уступало место злости. Какого дьявола...

Талот перекатилась на живот подальше от Джахан. Мучительно подбирая слова, она заговорила:

– Я хочу рассказать тебе кое-что, и тогда тебе, может быть, захочется выбрать другую сестру, чтобы... чтобы разделить с ней комнату. Но после того, как ты все узнаешь, прошу тебя помалкивать, хотя бы из воинской солидарности. Согласна?

– Согласна, – буркнуло Джахан.

– Я... я не целомудренна, Джахан. Я делила ложе с мужчиной. Это произошло еще до того, как меня взяли в легион, тогда мною занимались только наставники, но все же... я согрешила.

– И ты пошла на это, зная о своем будущем сестры-легионера?

– Да. – После секундного молчания Талот раздраженно добавила: – Но ребенка-то не было.

– Но мог быть! – воскликнула Джахан с отвращением. – И ты никогда не смогла бы стать сестрой-легионером. Тебе пришлось бы стать матерью-легионером, у которой даже нет боевого опыта, – бездельницей! Как ты могла настолько забыть о дисциплине?

Талот долго не отвечала и снова заговорила, уже без раздражения:

– Я знаю, что я совершила, и не хочу оправдываться. Я предпочла мужчину своей воинской чести. Ты хочешь уйти из моей комнаты?

Джахан села, сцепив руки на коленях. Новость потрясла ее, она старалась не глядеть на Талот. С какой безответственной легкостью она забыла о клинке чести! Теперь эта женщина

достойна только презрения. У нее был выбор: либо остаться целомудренной сестрой-легионером, либо стать матерью-легионером, которая предпочитает детей сражениям. Но, как правило, матерями-легионерами становились только старухи, те, которым было уже за тридцать, потому что их реакции замедлялись и естественно, что они выбирали детей. Возможно, это лучшее, что они могли сделать. Но Талот была молода! Своим поступком она продемонстрировала отсутствие дисциплины, глупость, мягкотелость... Она заслуживает презрения. И все же Талот нравилась Джехан. Почему? Джехан не могла разобраться в своих чувствах. Она испытывала замешательство, а замешательство всегда вызывало в ней гнев.

– Твоя наставница знала об этом?

– Я призналась ей. Позже.

– По крайней мере хоть в этом ты была честна.

– Да.

– И как она поступила? Отстранила тебя от тренировок?

– Нет.

– Кем был тот мужчина?

Талот встала на колени. Женщины сердито уставились друг на друга.

– Он был братом-легионером, – ответила наконец Талот.

– Но не самым достойным. Ты, должно быть, тренировалась в одной группе с кридогами.

В моем легионе, если бы какая-нибудь сестра настолько позабыла о клинке чести, ее бы навсегда вышвырнули вон.

– Рада, что ты обучалась в таком хорошем легионе, но я готова помериться с тобой силами когда угодно.

– Это вызов?

– Да!

– Поосторожней, Талот. Мой клинок чести ничем не запятнан.

Талот прыгнула вперед, они сцепились и принялись молча бороться в темноте, скатившись с подушек на твердый пол. Рослая Талот имела преимущество в весе, зато Джехан была крепче. Обеим мешали распущенные волосы. Тишину нарушали тяжелое дыхание и вскрики. Обе были превосходно тренированы, и прошло немало времени, прежде чем Джехан удалось прижать Талот к полу. Она уселась противнице на спину и заломила ей правую руку. Еще немного, и Джехан сломала бы ее. Обнаженные тела блестели от пота.

– Сдаешься? – прохрипела Джехан.

– Д-да.

Джехан выпустила руку Талот. Девушка с трудом встала и схватилась за стену. Голос ее дрожал.

– Твоя взяла. Теперь можешь уходить.

Но Джехан вдруг поняла, что ей не хочется уходить. Ее гнев улетучился в напряжении схватки. Талот была достойным, заслуживающим уважения противником. А эта едва заметная дрожь в голосе... Джехан, тяжело дыша, поднялась на ноги, посмотрела Талот в глаза и медленно спросила:

– Наставники все же позволили тебе остаться сестрой-легионером?

– Да.

– А как тебя наказали?

– Послали в Эр-Фроу за новым оружием для нашего легиона. Чтобы заслужить прощение за... за то, что я сделала. – В ее словах слышалась надежда.

– А что стало с братом-легионером? Его наказали за то, что он взял тебя вместо проститутки?

– Да.

– Как?

– Послали на Первое Испытание, хотя он не пробыл в легионе и года.

– И ты позволила ему...

– Да!..

– Но почему? Почему тебе вдруг захотелось... с мужчиной?

– Будто тебе никогда не хотелось!

– Никогда! А почему тебе этого захотелось?

– Не знаю, – проворчала Талот. Наступило гнетущее молчание. Они сидели не шевелясь. – Он был лучшим легионером в своем легионе и так же силен, как наш лейтенант.

Джехан за эти дни успела проникнуться к лейтенанту невольным уважением. Дахару здесь не было равных.

– Я не затаю обиды, если ты сейчас уйдешь из моей комнаты, Джехан, произнесла Талот с достоинством, хотя голос ее дрожал. – Но я очень прошу тебя молчать об этом. Из уважения к сестре-легионеру.

Джехан чувствовала сладкий; теплый запах тела рыжеволосой девушки, различала прядь ее прекрасных волос, спадавшую на упругую грудь.

– Талот, если ты откроешь мне замок в твою комнату, я открою тебе свой.

Талот глубоко вздохнула:

– После всего, что сейчас узнала?

– Забудем об этом! Все в прошлом. У тебя был только один мужчина?

– Один, конечно, один!

– К черту, сейчас это уже не имеет значения! Ты стоишь на клинке чести, ты добудешь для легиона новое оружие. Скажи, ты больше не будешь спать с мужчиной, пока не станешь матерью-легионером?

– Нет!

Джехан нажала на оранжевый круг, и комнату наполнил свет. Она улыбнулась.

– А ты сильный противник.

Талот улыбнулась и придвинулась к девушке:

– Я слабее тебя. Ты чуть не выбила мне плечо из сустава.

– Позвать жреца-легионера?

– Нет. Мне не настолько плохо, чтобы обращаться за помощью.

Они с застенчивым уважением улыбнулись друг другу. Джехан протянула руку и слегка подтолкнула Талот к разбросанным по полу подушкам.

– Нам надо поспать. Тебе во второй караул, а мне в третий.

– Я разбуду тебя. Черт бы побрал эти дни и ночи – никак к ним не привыкну. В Дзеле я всегда просыпалась за несколько минут до моего караула.

– Еще бы.

– Джехан, ты поняла, что геды говорили о свете, воздухе и энергии?

– Чушь, – Джехан пожала плечами. – Пусть болтают сколько влезет, лишь бы дали нам новое оружие.

Она нажала на оранжевый круг и опустилась на подушки. Талот, лежа рядом, неожиданно вздрогнула от боли в плече. Через мгновение она уже спала крепким сном. Умение быстро засыпать, чтобы вовремя восстановить силы, – еще один непереносимый признак настоящего легионера. Глядя в потолок широко открытыми глазами, Джехан прислушивалась к ее мерному дыханию.

– Талот, – тихо позвала она.

Подруга слегка пошевелилась.

– Талот, а как это – с мужчиной?

Но Талот не услышала. Смущенная, Джехан прикрыла глаза и решила оставить ее в покое: несправедливо снова приставать к ней с расспросами. Талот не какая-нибудь горожанка

или проститутка. Она сестра-легионер. И раз наставники не выгнали ее из легиона, значит, ее прегрешение не так ужасно. Наставники не ошибаются.

Джехан закрыла глаза и погрузилась в сон.

Джелийская проститутка СуСу грациозно встала. Брат-легионер не пошевелился. Он растянулся во весь рост на цветастых подушках. СуСу не поняла, угодила она ему или нет, и это пугало ее. Лейтенант главнокомандующей. Тяжесть его груди на ее щеке, мужской запах, мощное тело, навалившееся сверху, тяжелые толчки, от которых даже теперь, когда все кончилось, у нее внутри все болело. Однако СуСу не могла отделаться от ощущения, что мыслями лейтенант витал где-то далеко. Он лишь мельком взглянул на женщину, не сказал ни слова. Если она не угодила лейтенанту главнокомандующей... Но как узнать об этом? Ее охватил страх неосознанный, неясный, никогда не покидавший ее, с которым она уже смирилась, как другие проститутки смирялись с рябой кожей или горбатой спиной. Немного поколебавшись, СуСу нажала на странные оранжевый круг, и комната наполнилась светом.

Лейтенант прикрыл глаза рукой.

– Зачем ты это сделала?

Проститутка почувствовала облегчение: мужчина не выглядел рассерженным, но все-таки вид у него был какой-то отсутствующий. Страх вернулся, однако СуСу заставила себя громко рассмеяться.

– Чтобы получше разглядеть тебя.

– Не ври, – резко отрубил он.

Леденящий страх заполнил душу. Если СуСу не угодила лейтенанту главнокомандующей...

И тут с ней произошла странная вещь, как тогда, когда она убедилась в таинственном исчезновении гнойных язв. Но это оказалось похуже страха: девушка услышала жуткий вкрадчивый голос из белого тумана: «Ну и что с того, что ты ему не угодила? – зашептал этот голос. – Ну и что, что он лейтенант главнокомандующей? В городе четыре проститутки, пусть идет к ним. Если ты не угодила ему, если даже всем им откажешь, ты все равно получишь здесь еду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.